

- 1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Великий грузинский поэт. С. ИПОПОЛИТОВ. «Горьковские чтения». ИНФОРМАЦИЯ. Диспут о малоизвестных пьесах А. М. Горького. Хроника юбилей А. Церетели.
- 2 стр. Проф. М. БОГОЛЕПОВ. Мечты, мечты... С. КРЖИЖАНОВСКИЙ. Одноактный Шоу. Ю. ДАНИЛИН. Книга о писательском труде.
- 3 стр. Сто лет со дня рождения Акакия Церетели. А. ГЕОРГАДЗЕ. Мастер эпоса и лирики. Виктор ГОЛЬЦЕВ. Мечта великого поэта. Евг. ЛУНДБЕРГ. Акакия Церетели — прозаик.
- 4 стр. Мих. ЛЕВИДОВ. Автор и его герой. Бесо ЖГЕНТИ. Поэзия Акакия Церетели. А. АДАЛИС. Юноша. ИНФОРМАЦИЯ. Неопубликованные письма В. Г. Короленко об А. М. Горьком.
- 5 стр. М. ШКАПСКАЯ. О детях для родителей. В. СУХАРЕВИЧ. Комедия характеров. А. КРАМОВ. Перед спущенным занавесом.
- 6 стр. БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. На заседании президиума ССП. Оборонная комиссия союза советских писателей СССР. В. Маяковский на польском языке. Хроника. Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ. От разговоров к делу! Е. ФЛЕИС. Первый поэт удмуртского народа.

Великий грузинский поэт

22 июня в Тбилиси открываются юбилейные торжества по поводу столетия со дня рождения Акакия Церетели, великого подлинно народного поэта Грузии. Лучшие мастера литературы всех советских народов соберутся со всех концов страны на пленум правления союза писателей в Тбилиси, чтобы на всех языках воспроизвести слова Акакия Церетели, продумать его думы, донести до всех читателей замечательное творчество своего заново открываемого собрата.

Ленин писал в 1910 году в своей статье о Толстом, что для того, чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба против тупого общественного строя, который осудил мильоны и десятки миллионов на темноту. Прошло тридцать лет, и сегодня в стране социализма известны всем не только Толстой, но и Руставели, Шевченко, Державин, Буратов и даже многие такие писатели, которых раньше знали только их народы или небольшие племена. Все новое и новое имена, творения и песни приносят наши народы в сокровищницу общественного достояния.

Вызвет так, что песня приобретает известность раньше чем имя ее автора. Письмо Татыяны (из Евгения Онегина), в середине прошлого века переведенное на казахский язык великим казахским поэтом Абием Кунабаевым, вошло в народ как безымянный фольклор. Но имя автора «Евгения Онегина», знакомство с Пушкиным во всем его величии пришли к социалистическому и грамотному казахскому народу лишь в наши годы (и особенно после пушкинского юбилея 1937 года). Так, песни Акакия Церетели определяли наше знание о нем. Уже более сорока лет вся Грузия поет «Сулико». После грузинской кампания в Москве «Сулико» поет вся страна. Это одна из любимых песен советских людей.

ских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. Творчество Церетели может служить в известной мере иллюстрацией к этому положению. Враги народа и буржуазные националисты всех видов в Грузии немало постарались, чтобы превратить в свое время Церетели в юного либерала или даже грузинского националиста. Но факты лучше всего бьют этих фальсификаторов истории. Хотя Акакия Церетели и не был последовательным проводником в Грузии тех передовых, революционных идей, представителями которых на русской почве в его времена были Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, тем не менее все его творчество ярко окрашено национально-освободительной борьбой и проникнуто глубочайшей народностью и по форме и по содержанию.

Во множестве своих стихов и песен («Грудовая песня», «Исповедь крестьянина», так напоминающая «Деревню» Пушкина, «Песня во время жатвы», «Желание работника» и многих других) Церетели является истинным выразителем народной жизни, поэтом трудящихся масс. Вот почему на протяжении всей своей жизни Церетели был последовательным врагом русского самодержавия, враждебного и Грузии и народу ее. В то время как старший брат Акакия служил в «паровой силе», он, отказавшись от этой «счастия», писал (еще в 1898 году) в стихотворении «Самодержавию»:

И — твой пленник, но в сердце глубоко
Утешенье надежды твоей,
Что дождься я желанного срока,
Рок разметет твердь твою.

И разрушит твою утешенье,
Все мужество твое упрямца,
Укрепит он во мне разуменье,
И свободным признает меня.

Акакию Церетели принадлежит перевод «Интернационала» (Жюльен Потье) на грузинский язык. Революцию 1905 года Церетели встретил пламенными призывами к молодежи идти на баррикады. А в стихотворении «Долой» Церетели писал:

Довольно горю править краем,
Бездна, полчища бьютой.
Терпеть мы больше не желаем
И, пробудясь, кричим: «Долой!»

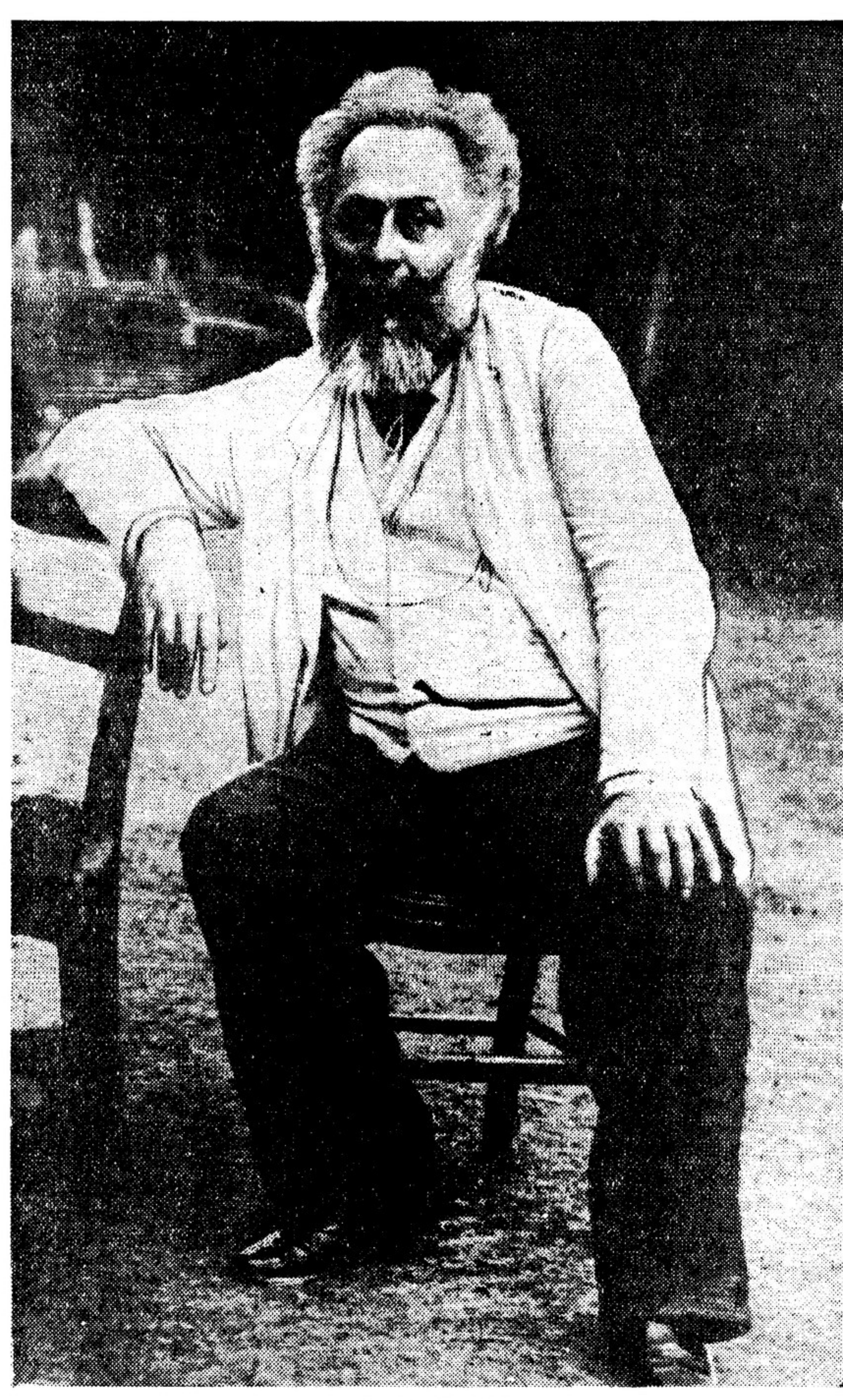
Проветритель и мягкий гуманист «скароленовского» типа, Акакий Церетели поднимается во многих своих стихах до настоящего гневного революционного протеста. Церетели чуть следил не только за всеми событиями и революционными веяниями в России, но и за национально-освободительной борьбой Гарибальди и Мазини. Вместе с другим замечательным писателем Грузии, Ильей Чавчавадзе, Акакий Церетели стал властителем дум нескольких поколений передовой молодежи Грузии прошлого века. Они первые ввели социально-революционные темы в грузинскую литературу, явившись живым выражением культурного и социального пробуждения Грузии уже как одной нации. Известность Церетели, которого в народе зовут просто «Акакий», проникла в самые глухие углы Кавказа. После Шота Руставели Акакий Церетели и И. Чавчавадзе — самые известные поэты Грузии.

В творчестве Церетели, как в зеркале, отразилась некоторая национальная особенность роста народного самосознания в Грузии. До сих пор эта «глава» нашей истории существовала как бы сама по себе, изолированно от изложения процессов, происходивших в других уголках нашей страны. Дореволюционная наука не умела, да часто и не могла, браться за эту тему. Вернуть общественно-культурные связи народов, населяющих Россию, и особенно связи революционные — эта задача стоит теперь перед молодой марксистской наукой о литературе. Юбилей Акакия Церетели, мы надеемся, не только вызовет интерес читателей к этому поэту и поведет перевод его произведений на русский язык, но даст толчок и нашей науке, побудит ее шире раскрыть связи русской и грузинской культуры, глубже осветить историческое и художественное содержание нашего классического наследия.

Акакий Церетели мечтал о том времени, когда «рок» разметет твердь твою самодержавия, «разрушит утешенье» и признает человека свободным. Он мечтал о свободной и счастливой Грузии, которую он любил преданной сыповой любовью. «Если весь народ заодно пойдет, то закон — любви дерзая», — говорил он. Церетели умер в 1915 году, не дожив до того времени, когда весь народ и все народы нашей страны «пошли заодно» и когда воцарилась в жизни самые смелые дерзания. И в стране социализма по-новому зазвучали его песни о родине. Церетели писал:

Если семья слов будет чистое,
Будет зреть и дал свежий сочный плод...
Не могу, как вы, я верю владеть,
Что же делать? Верья состарило.
Но я предал вам... Хорошо, что жить
Верить в силу вашу заставило.

«Чистое семя» слов Акакия Церетели — это «свежий плод» народу, новому поколению. Вот почему все мы чувствуем сегодня имя народного поэта Грузии как поэта всех советских народов.

А. ЦЕРЕТЕЛИ

Хроника юбилея А. Церетели

В ознаменование столетия со дня рождения великого грузинского поэта Акакия Церетели 23 июня 1940 года в 11 часов утра в Концертном зале оркестра Ленинского Государственного театра им. Руставели состоялось открытие пленума союза советских писателей Грузии совместно с президиумом союза советских писателей СССР.

После вступительного слова Яркия Абашидзе состоялись доклады: «Мировоззрение Акакия Церетели» — Шалва Раинали, «Акакий Церетели и грузинская советская литература» — Алия Машауаши, «Поэзия Акакия Церетели» — Павел Ингорова, «Акакий Церетели — мастер художественного слова» — Леван Ассатиани.

15 июня в Тбилиси состоялось заседание правительственного комитета по празднованию юбилея Акакия Церетели, на котором уточнилась программа проведения торжества.

22 июня, в день рождения поэта, на мостике театра состоялся торжественный митинг. Вечером 22-го в театре оперы и балета им. В. Шапавицки открылось торжественное заседание, посвященное Церетели. 23 и 24 июня в театре им. Руставели будут проведены заседания юбилейного пленума ССП. 25-го — торжество на родине поэта.

Тбилисский государственный университет им. Сталина в ознаменование юбилея

«Горьковские чтения»

В канун годовщины смерти А. М. Горького, 15—16 июня, Институт мировой литературы провел третьи «Горьковские чтения».

Ежегодно повторяясь, «Горьковские чтения» не перестают быть «внутренним делом» Института мировой литературы, а выступают в очень важную литературно-общественную традицию. Это, повидному, сознает и сам институт, организуя для «чтений» более обширную аудиторию Московского клуба писателей и пренеся их силами не только своих научных работников, но и литературоведов из других городов.

Однако, как показали минувшие «Горьковские чтения», организационный их не все обстоит благополучно. Об этом говорит хотя бы то обстоятельство, что «чтения» прошли в значительной своей части при крайне малой аудитории.

Все, кому дорога судьба ежегодных «Горьковских чтений», не могут равнодушно пройти мимо этого факта.

Стоит ближе присмотреться к тому, что происходило на последних «Горьковских чтениях», чтобы само собой вытекало обяснение этого факта. Повестка «Горьковских чтений» была перегружена десятком докладов. Большая часть этих докладов не только не была написана специально для «Горьковских чтений», но представляла собой выжимки и ключи диссертационных и иных работ. Выжимки эти большей частью даже заранее не были приготовлены, а делались тут же, на ходу, являясь перед слушателями зрелищем головомойки скачки по страникам объемистого труда.

К этому типу, при всей разнице содержания и качественного уровня, принадлежали доклады С. Валухатого — об историко-героической теме у Горького, Ф. Калаева — «Степан Кутузов в повести «Жизнь Клима Самгина», А. Волкова — «Горький и пролетарская литература. Он говорил о трансформации в произведениях Горького героической темы, все время стоявшей перед сознанием писателя. Героическая тема у Горького возникает еще в ранних его очерках, посвященных проявлениям неспиритного бытового героизма, и проникает все его последнее творчество.

На примере новеллы «Возвращение норманнов из Англии» (По Тьерри) С. Валухатый иллюстрирует, как Горький работал над историко-героической темой. Из книги Тьерри Горький воспользовался лишь немногими историческими данными, и рассказ явился творческой импровизацией писателя, интуитивно воссоздавшего колорит времени, места.

Очень важной теме — о собраниях и руководстве Горьким первыми пролетарскими писателями в эпоху 1907—14 гг. — был посвящен доклад А. Волкова. Им использован богатый архивный материал — письма Горького к писателям-самочукам, рукописи рабочих-авторов с его правкой, редакционный портфель первого сборника пролетарских писателей. Но по

тому ли, что А. Волкову пришло издательское разрешение на публикацию своей докторской диссертации, дальше общезвестных истин он не пошел.

Начточное место в программе «Горьковских чтений» занимали публикации неизданных произведений Горького.

По получении возможности услышать что-нибудь из подготовленного институтом А. М. Горького целого тома его незавершенных драматургических произведений, слушателям пришлось удовлетвориться презентацией их в докладе Н. Белкиной.

Очень интересным оказался доклад академика П. Лупшова «Горький-поэт». Доклад этот не только расширяет представление о литературном наследстве А. М. Горького, но и вносит новые черты в характеристику его творческой индивидуальности.

Как неоднократно признавался сам Горький в своих автобиографических повестях, его непрерывно влекло к стихотворству. Но сам же он беспощадно уничтожал свои поэтические произведения, относясь к ним резко отрицательно. Так было на протяжении всей его жизни, — до конца своих дней он продолжал писать стихи и вместе с тем безжалостно уничтожал написанное. Однако и при этом условии поэтическое наследие А. М. Горького достаточно велико и исключительно разнообразно: поэмы, сказки, баллады, сказительские стихи, шутки, пародии и много лирических стихотворений.

Существенной частью поэтического наследия Горького являются его стихотворения, органически вкрапленные им в ткань его прозаических и драматургических произведений.

Несмотря на жестокое уничтожение Алексеем Максимовичем своих стихов, в его смертном архиве осталось все же несколько десятков неопубликованных стихотворений.

Для поэзии Горького, — говорит П. Лупшов, — характерен синтез жизнеутверждающей мажорной гаммы и скорбной гаммы, глубокой лиричности. Ни одному стихотворному размеру Горький не отдавал особенного предпочтения. Форма его стихотворений отличается исключительным богатством, достигая почас подлинной виртуозности. Поэзия А. М. Горького необычайно ярко раскрывает его творческий и человеческий облик.

Прекрасной иллюстрацией к докладу было чтение П. Лупшова некоторых неопубликованных стихотворений Горького.

Содержательный доклад прочитал доцент А. Свободов. Анализируя ранние рассказы Горького, он показал, как великий писатель не только в публицистической, но и в художественной форме полемизировал с Достоевским и его иллюзионными героями.

С кратким сообщением — «Горький об империалистической войне» выступила М. Юношвин. Новелла А. М. Горького было посвящено выступление П. Нусинова.

Такова обширная программа «Горьковских чтений». Составитель ее, видимо, задумал целью обить необятное — показать все, что литературоведение делает сейчас в области изучения горьковского наследия. Несомненно целесообразно было бы отобрать наиболее ценные и важные работы и на них сконцентрировать общественное внимание.

С. ИПОПОЛИТОВ.

ДИСПУТ О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ПЬЕСАХ А. М. ГОРЬКОГО

15 июня вступительным словом Ю. Юзовского открылась конференция, созданная Всесоюзным театральным обществом в ознаменование четвертой годовщины со дня смерти Горького. На конференции обсуждались малоизвестные еще советскому театру горьковские пьесы «Чудаки», «Фальшивая монета» и «Старик».

«Чудаки», впервые опубликованные в 1910 году и тогда же поставленные в Петербурге, как сообщил профессор М. Григорьев, были не поняты ни театром, ни критикой и быстро сошли со сцены. Полемицируя с рецензией Гугеда, утверждавшего, что пьеса «Чудаки» малоинтересна, оторвана от всех других драматургических произведений автора, написал «из прекрасного далека», проф. Григорьев установил связь ее со всем творчеством писателя и отметил ее ценность для советского театра. В «Чудаках» — проблемы и идеи, которым посвящены и другие произведения писателя. Основные черты героя пьесы Мстаскова — ненасытная жажда жизни, любовь к родине.

Образ Мстаскова вызвал ожесточенную дискуссию по вопросу о том, как относиться к нему автор. Одни считали его положительным персонажем пьесы, другие — отрицательным. Точку зрения, высказанную докладчиком, поддержали М. Левидов и Ю. Юзовский, считая, что Горький относится к Мстаскову с симпатией, вливая в нем ту светлую силу жизни, которая противопоставлена упадничеству, разочарованию, pessimизму у других героев пьесы. В их конфликте и заключается основное содержание пьесы.

Общая судьба у пьес «Фальшивая монета» и «Старик», написанных Горьким в 1913 и 1915 гг., но впервые опубликованных после революции. Обе эти пьесы, по мнению докладчика Б. Балаца, имеют огромное принципиальное значение для со

ветского театра. «Фальшивая монета» (почти заново переделанная Горьким в 1927 году), на трудность которой ссылаются многие, является глубоким философским произведением, переключившимся по своим мотивам с пьесой «На дне».

Большая философская мысль содержится и в пьесе «Старик». Эта пьеса возникла из задуманного Горьким романа о русском Жан-Вальжане, образ которого потом перешел в произведение «В людях». «Жизнь Клим Самгина» и «Дело Артамоновых». Пьесой «Старик» Горький спорит с Достоевским и его философией идей жалости и страдания как искупления за грех.

На конференции были подведены итоги горьковских постановок за истекший театральный год. Оценивая новые постановки Москвы — «Зыковы» в Театре Ленинского комсомола и «На дне» в Московском драматическом театре, М. Гусов поставил вопрос о том, насколько они приближены к наиболее полному освоению драматургии Горького. С этой точки зрения не удовлетворяют ни талантливая постановка С. Бирман «Зыковы» в которой больше размысленной о жизни, чем самой жизни, ни тем более работа Ф. Каврилла «На дне», превратившего пьесу в бытовую мелодраму.

Большой заслугой Ленинградского драматического театра им. Пушкина считает Л. Малюгин постановку «Данников» после 35-летнего перерыва сценической истории этой пьесы. Менее удачной является новая работа Ленинградского театра Ленинского комсомола «Варвары».

На конференции выступили также С. Бирман, П. Березар, Б. Аллер, В. Нейман.

Итоги последней конференции — пока единственный литературный материал, который смогут пользоваться театры для дальнейшего освоения драматургии Горького.

ГОРЬКОВСКИЙ ДЕНЬ В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

18 июня в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха им. Горького состоялось торжественное заседание, посвященное памяти великого писателя. Заседание, устроенное союзом советских писателей СССР, Академией наук СССР, Всесоюзным комитетом по делам искусства и правлением парка, открыл Алексей Толстой.

— Горький любил Россию, — сказал Алексей Толстой. — Без колебания он выбрал единственный путь — путь болевания. Это был и творческий его путь.

Культура невозможна без приемственности. Горький завещал нам свое искусство и свою тему — о любви к России, о раскрепощении во всем многообразии, сложности, богатстве психологии русского человека — творца новой жизни.

Часть своей речи А. Толстой посвятил анализу опубликованного в «Литературной газете» произведения Горького «Взвраф Бушев».

Затем с большой речью выступил К. Феликс.

— В одном из писем, — говорит он, — Горький писал: «Я, видите ли, не только мастерской-литератор, но прежде всего человек, вернувший в литературу и простота слова — даже обожающий ее. Книга для меня — чудо».

В этих двух фразах выразился необыкновенно полно образ Горьково-писателя.

— Горький занимал место учителя в литературе, — говорит далее Феликс. — Никогда не писал литературные повести, не раскрывая под таким ослепительным воздействием одного старшего писателя, как это случилось в Советском Союзе с Горьким.

Но истинное могущество его влияния на писателей заключалось в его умении вдохновить на новый, более сложный, не

Мечты, мечты...

Проф. М. БОГОЛЕПОВ

Восприятие войны общественным мнением Англии и формулирование целей войны, поскольку все это находило свое отражение в журнальных статьях, книгах и памфлетах, представляет значительный интерес. Речь идет о буржуазной интеллигенции, но примененной социализма и поэтому поставленной в чрезвычайно трудное и сложное положение найти решение мучающим ее вопросам в рамках существующего строя общественных отношений. А этот строй как раз и создает почву, на которой систематически возникает вооруженные конфликты. Это совершенно ясно для буржуазной интеллигентской мысли. (Часто возникают мечты о «новой Европе»). Новая Европа должна быть олигархическим, так сказать, укрепленным империализмом. Но как укрепить этого ненасытного зверя? Мечты о «новой Европе» неизбежно сползают к воспоминаниям о печальных результатах первой мировой войны, которую поверхностная мысль буржуазной интеллигенции хотела бы считать последней европейской войной. Поэтому все современные рассуждения о новой войне, о ее целях и ее последствиях несомненно обрамляются настроенными клатшами похороненных надежд.

Левая фракция английской интеллигенции, медленно, но неуклонно движущаяся к восприятию идеи социализма, за последние годы сравнительно еще короткой период новой войны уже успела пережить весьма значительную эволюцию. Об этой эволюции с душевным приговором сообщает лорд Дэвид Сесил в журнале «Форсайт». Сесил говорит о нынешнем коллапсе интеллигенции Англии, в особенности левой ее части. Сначала казалось, что вся английская интеллигенция объединилась в едином порыве против фашизма. Мыслитель интеллигенции с законным гневом говорили о слабости Англии, поэты, во главе с Оупеном, заклинали всех отбросить все ложные мысли и полностью отдать «борьбе». Но после нескольких месяцев войны соединенный фронт интеллигенции был разбит в куски и страдания ежедневных и месячных журналов наполнились обломками этого фронта. Они уехали в Америку, другие кричат о мире на любых условиях, третьи не решаясь прямолинейно выступить против войны, заявляют, что они не желают, чтобы война шла под руководством кооперативного правительства. Даже более сильные духом, принявшие войну без всяких оговорок, по словам Сесила, находятся в смущении и унынии. «Война», — говорят они, — подобна опасной операции: она не возбуждает энтузиазма и дает мало надежд.

Та часть английской интеллигенции, которая мечтает не об укреплении империализма, а об укреплении одной только Германии, равным образом развивается сомнениями и относительно этой задачи. «Не похоже, чтобы война облегчила разрешенное германского вопроса», читаем в той же мартовской книге «Форсайт», где Сесил говорит о коллапсе интеллигенции. «Еще много лет вперед и даже много поколений будут свидетельствовать в пользу того, что будущее значительное место под солнцем и будет страдать от этой борьбы», — говорит тот же автор.

Многие статьи английских интеллигентских журналов написаны в таком духе, что им можно было бы дать общий эпиграф: «На реках вавилонских, там мы сидели и плакали». В этом отношении характерна статья в апрельском номере «Форсайт», принадлежащая перу голландского ученого Гизина. Известный специалист по средневековью пишет об условиях восстановления цивилизации. Голландский автор крайне пессимистически оценивает современный мир. Он пишет: «Поверхностность мысли и рассеянность умственной энергии, кажется, охватили повсюду все классы». Перспективы будущего мира все больше тускнеют. Интеллектуальная кризис жизни обретен и заменен философиями, превозносящими грубую жизнь выше всякого мышления.

Читая современные английские журналы, не трудно убедиться в том, что характеристика, данная голландским автором западноевропейской буржуазной мысли, не далека от истины. Начать хотя бы

самого Гизина. Что он считает необходимым для восстановления цивилизации в Западной Европе? И в статье, и в своей книге о «необходимости сокращения» ученый говорит о необходимости сокращения как «производства культуры, так и потребления ее». Он настаивает на необходимости известного ограничения культуры, добровольного отказа от всех излишних, бесплодных, тривиальных, пошлых вещей, которые тянут ко дну современную цивилизацию. Автору и в голову не приходит простая мысль о том, что культурные излишества являются простым следствием крайне неравномерного распределения культурных благ: преисполненность и богатство у большинства. Об этом он мог бы узнать в другом английском журнале («Нониквал-куртерил», январь-март), где в первой же статье говорится о том, что демократия Западной Европы никогда еще по-настоящему не ставила вопроса о воспитании граждан. И прежде всего, говорит автор, этого воспитания недостает: 90 проц. детей Англии навсегда загнивают свое воспитание по достижении 14 лет. Таким образом, есть место, куда нужно направить «продукцию культуры», добы в другом месте не было нужного прессыя. А в апрельской книге «Форсайт» приводятся соответствующие интересные иллюстрации. Они из английских деятелей в области просвещения говорят, что в деле просвещения Англия отнюдь не является лидером демократии. И она будет плестись позади других, если не воспримет новую концепцию просвещения, которую к которой показаны СССР и США. В обеих великих республиках имеется концепция универсального образования. Но в Америке, как это бывает часто, действительность плетется за концепцией. В США насчитывается студентов около миллиона, в Советской России — более 600 тыс., в Англии же — только 54 тыс. И этот разрыв нельзя объяснить только разницей в количестве всего населения.

Поверхностность мысли, на которую жалуются английские журналы, сквозит при обсуждении любого вопроса текущей современности. II — самое главное — эта поверхностность мысли, ее пустота (the shallow) представляет обреченными, так как по тем или иным причинам у авторов статей нет желания заглянуть в суть вопроса, в корень вещей, от которого проистекают неприятные интеллигентскому сознанию явления неприятной действительности.

Официальная идеология английских сфер, объясняющая причину войны поведением одного человека, не принимается английской буржуазной интеллигенцией. Но увидеть причину в наличии империализма, неизбежно порождающего войны, английская интеллигенция или не хочет, или не может. Поэтому она ищет особой причины и находит ее в... расовой теории. На самом деле, ряд статей в английских журналах пытается найти причину в особых свойствах германской нации. По их мнению, Германия, начиная с Фихте и Веймарка и до наших дней, всегда была и есть страна, которая обманывала своих друзей, соседей, союзников, а также своих братьев и нейтральных. Нет недостатка в ряде крепких характеристик германской нации. Приписанные ей черты отнюдь

не являются основной причиной войны.

Что же нужно делать с таким испорченным народом? Его нужно перевоспитать, а для этого нужно сначала разбить и оккупировать Германию. При воспитании немецких детей нужно ввести учебники, соответствующие тем, по которым учатся дети в Англии и Франции. Из этого правила допускаются одно исключение: маленькие деревенки будут позволено петь немецкие песни.

Но правда ли, что такое умонастроение и такая мелкота интеллигентской мысли Англии вызывают — пользуемся сравнением из тех же журналов — тошнотворное чувство?

По оставим в стороне субъективные ощущения. Такое умонастроение явно обесценивает мысль при подходе к любому большому вопросу. В тех же английских книжках обсуждается такая, например, большая проблема, как «проблема крестьянской Европы». Крестьянская Европа — это Балканы. Что даст война балканским странам? Прежде всего оказывается, что союзники предприняли войну для того, чтобы предотвратить малые крестьянские страны от разрушения». По поводу этого утверждения журнала «Форсайт» (апрель) полезно привести цитату из другой статьи того же журнала в той же самой книжке: «Пропанганда является искусством убедить других в том, во что мы сами не верим». Что же даст война государству-победителю? Она должна окончательно приобщить их к англо-французской цивилизации. Но как «аргарная цивилизация и общество крестьян могут составить целое с Европой, насквозь индустриальной?» Ответ на этот вопрос получается самый глубокомысленный: вероятно, крестьяне сами найдут ответ на этот вопрос. «Война поможет им». Вот и все глубокомысленное журнала по очень интересному вопросу.

Мы должны откровенно признать в том, что наша экскурсия по английским журналам была предпринята не с целью дать характеристику мышления английской интеллигенции, а для того, чтобы составить себе представление о планах будущей Европы. Этим темой действительно нестрастят страницы журналов. Но — увы — при рассмотрении этой темы, стоящей в центре английской идеологии войны, читатель оказывается в положении не лучшим, чем балканское крестьянское государство, если бы оно захотело по английским статьям узнать, как приобщиться к западной цивилизации. Авторы терпят от союза государств, причем в этот союз допускают различные количества стран и организуют будущий союз по образцу и по подобию англо-французского военного союза с верхним советом во главе. Этому верхнему совету предоставляются большие права в области обороны, там же и т. д. Отдельные авторы пишут целые книги о будущем «союзе», причем разрабатываются главным образом вопросы правового строя. Главная забота всех проектов сводится к тому, чтобы союз был мощным в военном отношении, а вопросы цивилизации и демократии оставались в тени. Получается впечатление, что если война удастся Англии, то она сделает попытку организовать значительную часть Европы по образцу английской колониальной империи. Об укреплении же строительного империализма в этих планах нет и звука. Очевидно, что укрепление относится к области английской пропаганды, столь талантливо определенной журналом «Форсайт»...

«Эмигранты» А. Толстого

Издательство «Советский писатель» подготовило к печати повесть А. Толстого «Эмигранты».

Это заново переработанный и дополненный автором вариант романа «Черное золото».

В основу повести легли подлинные исторические факты о предательской работе русской белогвардейской эмиграции, организованной в 1918—1919 годах убийства

советских дипломатов, заговоров, интервенции против молодой Советской Республики.

А. Толстой рассказывает в повести о преступной деятельности столичной белогвардейской («Лиги спасения Российской империи», совершившей немало чудовищных убийств советских граждан и лиц, выражавших свои симпатии Стране советов.

КНИГА О ПИСАТЕЛЬСКОМ ТРУДЕ

Ю. ДАНИЛИН

творчестве-ярости, о творчестве как о борьбе художника со своим материалом, со своим замыслом и с самим собой. Эта борьба, создающая, радостная и мучительная, захватывает читателя, волнует его, проницает удивлением и восхищением, заставляет быстрой переключиться страницы.

Современники величайшей исторической эпохи, строители той жизни, позвон которой является социалистический труд, им плохо верим в марксистские теории, в то, что «гуляка праздный» способен создавать великие художественные произведения. Теория этого рода остается лишь достоянием чадных углов умирающей бюргерии.

«Аполлон — это бог поварок», — говорил Фабьер. Для западных буржуа эта фраза, быть может, звучит как антирелигиозный парадокс. Но советским людям полюбил ее трудовое сердце. И слова Бераля: «Стих — это враг поэта» тоже не покажутся непонятными для полных, честных советских поэтов. Они калитурники будут оспаривать их.

Но кто знает, быть может, эти афоризмы Фабьера и Бераля останутся непонятными писательской молодежи, не имеющей творческого опыта и вдобавок развращаемой примером всякого рода литературной халтуры? Что противопоставить халтурности? Как научить прережению к «легкой» работе, гораздо более «холодной», чем скромная и трудная добросовестного художника?

Книга М. Эйхенгольца как раз является ответом на этот вопрос. Ее общественное значение весьма велико. Она показывает, что только гигантская «черновая» работа, которую проводил Золя, и позволила ему с должным правом и блеском вписать свое имя в историю мировой литературы.

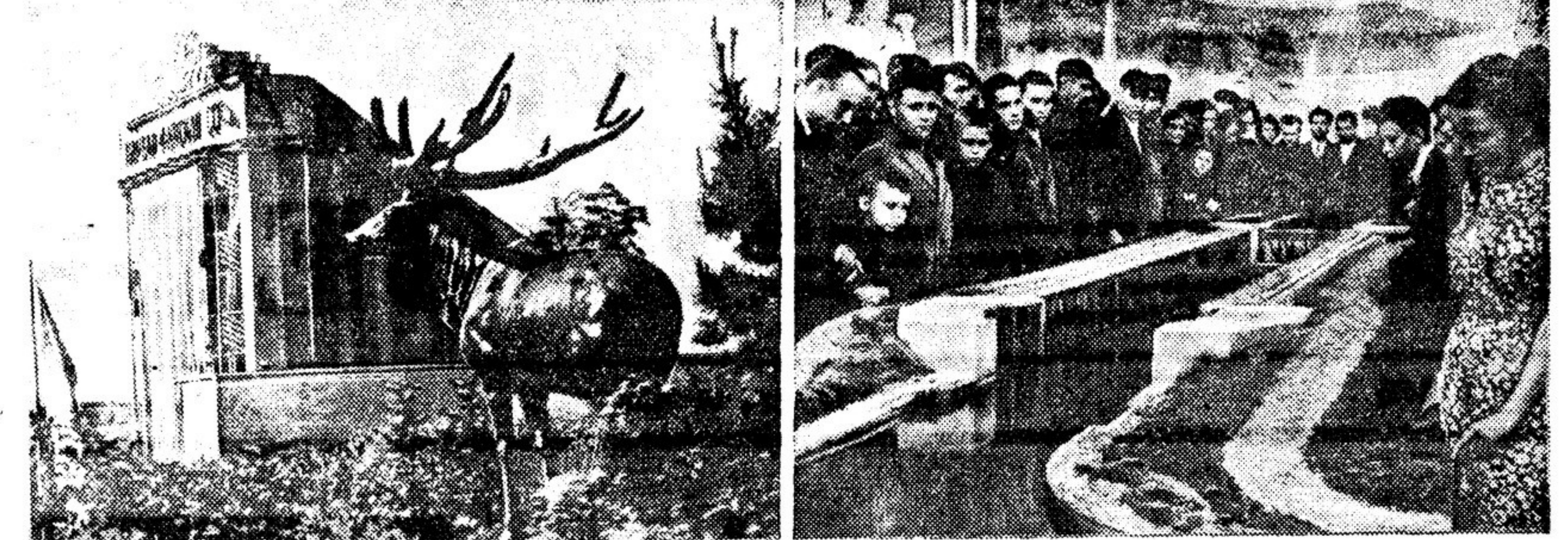
Книгу М. Эйхенгольца с интересом прочтет каждый советский писатель. По особенно важна ее роль для писательской молодежи. Эту книгу следует сделать обя-

зательным пособием в литературных кругах и, может быть, положить в основу для построения специального курса о методах, настойчивости и дисциплине творческого труда. Всем нам известно, какую великую работу проводил Бальзак, каким подвижничеством была жизнь Фабьера, каким затейливым поведением был Анатоль Франс. Но до сих пор у нас не было еще ни одной обстоятельной монографии о творческой лаборатории писателей-реалистов. Книга о творческих занятиях Золя дает возможность впервые сделать эту проблему объектом литературоведческого изучения.

Книга о творческой лаборатории Золя — это ценнейший документ сосредоточенного, упорядоченного, методичного и инстинктивного труда великого писателя. Этот писатель не писал по капризам, не заигрывал и не жаловался на то, что его не понимают, хотя его десятками лет травила реакционная и консервативная печать. Проглатывая каждую утро очередную критическую «жабу», он неустанно, бодро, уверенно работал. Воемга именовала его за это буржуа, а жизнь его прозвали «медвежий»...

Каждый из своих романов (из серии «Ругон-Маккары») Золя писал в среднем в течение года. Полгода уходило у него на предварительную работу, другие полгода — на писание. Предварительная работа являлась целый ряд эталонов. Первым из них было составление «наброска» — первой попытки очерчить в самых общих линиях контуры будущей вещи в связи с ее темой. Это «идеологический» по преимуществу анализ романа.

«Набросок» — это отчасти монолог писателя, обращенный к самому себе, полный вопросов, которые еще предстоит решить, раздумий над тем, как лучше построить вещь в связи с ее основным тезисом. Трудности, которые испытывал Зо-

16 июня 1940 года, в день выборов в Верховный Совет Карело-Финской Советской Социалистической Республики, на территории Всесоюзной сельскохозяйственной выставки открылся павильон двенадцатой советской республики. На снимке слева — внешний вид павильона Карело-Финской республики; справа — действующая модель шлюза Беломорско-Балтийского канала, установленная в павильоне. Фото В. Лягива.

Одноактный Шоу

С. КРЖИЖАНОВСКИЙ

В старинном романе приключений, написанном Галлем, дама сбега сөөеобразной душой. Промышник сходитя — шпаша, против шпаша — почью в надутой закрытом, зинном окне сарае. Свободные руки бойцов тоже вооружены: у одного плащ, у другого — зажженный фанар. Первый старается оставить тьмой, второй — былшим в глаза светом. Последняя задача и стоит всегда перед изумительным фехтовальщиком Бервардом Шоу.

Нарожко по самой своей природе стремится к краткости, к победе с одного удара, в драматургии — к одноактной форме. Однажды Шоу, после окончания им лекции, спросил: «Как относиться вы к драматургии о непорочном зачатии?», на что последовало краткое: «Все зачатия непорочны». Фанар одержал победу над плащом.

Все маленькие пьесы английского мастера пронизаны весельем. Только одна из них имеет подзаголовок «Трагедия». Но веселье это особая форма. Впрочем, пусть высказается сам автор.

В последнем полном собрании пьес, вышедшем в Англии, Шоу превращает читателя: «... Моя профессия, — пишет он, — быть классическим автором комедий, которые «высраивают прыжки смехом»; и если иногда я заставляю вас чувствовать себя дураками, то не забудьте, что тем самым я ищаю вас от вашей глупости, побольше лантесту, который избавляет пациента от злобы боли, выигрывая ему зуб. И я забыл, что никогда не делал этого, не прибегая к помощи веселящего газа».

Значительная часть маленьких пьес Шоу является пародиями, карикатурой, сделанной на одну речерка пера, на ту или иную тему, разгернутую им в четырех или пятиактной комедии.

Так, пьеса в четырех действиях «Человек и сверхчеловек», сама берущая старинную тему о севальском облизателе, сделанная пародиями с привлекательных мест (Дунан Тенорю — Джон Таннер, Авира — Статуя Командора — твердомашный «и-и Ремею»), прерывается в третьем акте итермией (разуметя, одноактной). Этому предшествует встреча на большой дороге Таннера и группы его друзей с шайкой разбойников, превративших путь их автомобилью.

Менюа (с достоинством). Я — разбойник; живу тем, что граблю богатых.

Таннер (скромно). Я — джентльмен; живу тем, что граблю бедных. Пожмем друг другу руки.

Наступает ночь. Разбойники и друзья мирно расположились рядом на отдых, и над ними возникает интермедия — сонношение.

В ней мы снова встречаемся со Статуей Командора, регуляри, ради молчона, совершающей прогулку из ряд в а; и обратно; в алу, встретившись со своим убийцей Жуаном. Статуя неизменно затевает спор о

том, кто лучше фехтует, и старчески брызжит, вспоминая Моцарта, который обидел его, человека, всегда имевшего теоразолон, написав его партию для низкого баса.

Сатана — чрезвычайно корректный, по-хож скорее на главного врача адского сапатории, в котором грешники отдыхают от своих грехов и проходят систематический курс психотерапии.

Однако пародия на пародию мало для Шоу. И он пишет коротенькую пьесу с длинным заглавием: «Страсть, яд и океанение, для роковой газели. Крайняя трагедия для балаганов и пустых сараев». Жена, муж, предполтаемый любовник. Муж подстергает его и ее в загородном заброшенном доме. Затаив ревность и разыгрывая любезного хозяина виллы, он предлагает распить втроем, по-дружески, бутылку вина; но в стакан любовника своей женой он подсыпает яду. Несчастному осталось всего лишь несколько минут жизни, о чем его и предупреждает убийца. Однако в стрепетливом и ярком, как вспышка магния, диалого выслушает, что жертва почти решительно ни в чем не повинна. Что делать? До города далеко. Телефона в заброшенном доме нет. Тогда переуговани муж и жена (которую зовут, кстати, Лени Магнези) вспоминают: лучшее противоядие против того отвратительного порошка, от которого несчастно Адольфу (имя милого любовника) предстоит быть принятым в прах, это гипс или кто бы простая известь, действие пор которой нейтрализует яд. Сначала Адольфу заставляют проглотить кусок извести, обвалившейся с потолка, потом, но шая ничего для его спасения, разбивают гипсовый бюст Лени Магнези, сделанный знаменитым скульптором. Адольфу проглатывает, заливая зальтерской водой, и часть потолка и гипсовый бюст платонически им обломанной женщины и постепенно начинают ослепевать. Мраморная бледность покрывает его лицо; прежде чем окончательно превратиться в монумент, он каменеет; губами обильно выделяется последняя воля: поставить его, в качестве надгробного памятника, над его собственной безвременной могилкой.

Что же касается абсолютной преданности Марбенса, то она в пародийной пьесе как бы вывернута наизуамку и превращена в упрямую, принципиальную, но останавливающуюся ни перед какими жертвами лодку.

Есть у Шоу одна совсем крошотная пьеса, к входу в которую ведет длинный пьесинородческий коридор: «Смуглая леди сноветов». Именно на свидание с этой смуглай леди текспировских сноветов и отправляется их автор. Дорогу ему перерогора солдат-часовой (место свидания назначено у колоннады дворца). Диалог, из которого выхлываю лишь несколько слов:

Часовой (соглашаясь). Да, вы правы, сэр; слова, слова, слова. Ветер и тольво, сэр. Мы наполняем, как сказано в писании, наши жеудкуи, сэр, восточным ветром. Этим, пожалуй, не откормишь и каплуна.

Шенспир. Прекрасная каденция. Если вы позволите. (Вывинмает записную книжку).

В дальнейшем эта записная книжка превращается в ведущий персонаж пьесы. Она дава как процирированный во вне мог ведного поэта, жадно вбирающий в свои клетки-страницы все тончайшие интонации, словосочетания и ипру оттенков мысли; все это впоследствии разрастается в диалог, а диалог сочетается в пьесу.

Несомненно, эта одноактная веша — якло, которым можно открыть многое в сложном творчестве самого Шоу.

В «Проблеме реальности» дан поэтикоэ кисти и кинада — художника Феруччо, создателя портретов, с профессиональным убийцей, получившим свои честно заработанные флорины за удар кинада. Кисть подбегает кинада: вель она создает, наносит на холст победия людей, кинада же умеет всего-навсего убивать. И только.

Кратко о кратком. Я лишь назову несколько одноактных пьес В. Шоу, отбирая наилучшие: «Газетные вырезки», «Музыка-палтешинна», «Обестус исполняет свой долг», «О'Флагерты».

Последние две вещи объявят «войну войне» 1914—18 гг. Но общий смысл всех этих одноактностей может легко быть вынесен за скобку: капиталистически-буржуазный мир, — говорит нам автор, — неправильно расставил свои рабочие силы; люди делают то, что хотят от них доллары и фунты стерлингов, но не делают того, чего они сами хотят. Рынок труда — рынок невольников. Все прикованы к тому или иному веслу, и галера шивет не туда, куда устремлены мысли.

Огненно-красная борода м-ра Бернарда Шоу, пишет его биограф, с готами поселена и похожа теперь на пламя, раскаленное добела. Через год мы будем отмечать восьмидесятитрилетие великого комедиографа, человека, мысль которого побывала и в области «Божественной комедии», и среди комедий «балагана и сарае», и на подмостках «театра военных действий»,

Проф. М. Эйхенгольц уже долгие годы работает над изучением творчества Золя. Он — редактор советского 22-томного издания его сочинений, в основу которого легло изучение рукописей, черновиков и рабочих планов писателя. Итоги своей многолетней работы он суммировал в только что изданной монографии «Творческая лаборатория Золя».

Проф. М. Эйхенгольц стремился с возможной тщательностью обследовать творческие процессы создателя «Ругон-Маккаров». Книга суховата, деловита, очень фактична, максимально сжата. Язык книги довольно тяжел. Автор полонен желанием дать максимум сведений на минимуме места, и ему некогда даже улынуться читателю. В смысле же скрупулезного и всестороннего обследования поставленной задачи книга М. Эйхенгольца почти нельзя пожелать. В советской и западной литературе о Золя она займет заслуженное место. Работа Апри Массиса на ту же тему отплетет научное значение.

У книги М. Эйхенгольца, скромной и специальной по своей теме, имеется особая сторона, представляющая исключительный интерес. Эту сторону неизбежно оупит каждый писатель, каждый издатели и печатель литературы, каждый человек, искренне живущий литературными интересами. Именно благодаря тому, что автор так старательно и кропотливо описывает лабораторную работу Золя, так внимательно регистрирует все типичное и случайное в ней, все основное и второстепенное, словом, именно благодаря тому, что материал проработан им так добротой и фундаментально, его книга превращается в работу о методах и навыках художественного творчества.

Кроме того, это вообще книга о законах творчества. Это книга о творчестве как творческом, самозабвенном труде, о творчестве-воинстве, о творчестве-страдании, о

М. Эйхенгольц. Творческая лаборатория Золя. Изд-во «Советский писатель». М. 1940.

разными источниками. В первую очередь — с книжными и газетными. Во-вторых, он налаживал общию с знакомыми вопроса или с представителями описываемой среды. У него были своего рода сотрудники — корреспонденты, освещающие его о тех сторонах вопроса, которые оставались ему недостаточно ясными. Наконец, он предпринимал специальные «производственные поездки» для ознакомления с местом действия будущего романа: езды на пароходе, чтобы написать «Человека-зверя», сгулаеся в уральные шахты для «Берингала», посещал поля мшущих скражений для «Разнома» и т. д.

При этом он делал множество записей, «этюды с натуры», где для воображения биржи или нейтрального рынка он старался собрать всю фактографию, начиная от одежды людей и их поведения и кончая всео специфичной окружающей обстановкой, всеми запахами, красками и шумами данного места. Но — и это весьма удивител, халтурщиками — «этюды» Золя вовсе не были механически вытворенными в ту или иную главу романа. Нет, Золя не писал так высоко каждую написанную им строчку. Материал «этюдов» нужен был ему лишь для того, чтобы отчетливо, пластичней описывать ту или иную сцену, и отдельные метали его лабоаратории были использованы им там, где они были художественно необходимы.

Этот последний этап предварительной работы позволял затем Шоу совершить «прыжок фантазии с трамплина точного наблюдения». Все теперь было ясно и зримо художнику. Оставалась самая «радость творчества».

О, как она была мучительна, эта радость Золя без конца жалуется друзьям: «Ужасная работа», «Проклятая книга». «Она приносит мне бесконечно много страдания». «Чем дальше я подвигаюсь, тем становится труднее... Что это — кокетство художника? Отнюдь нет.

Жертва своего мировоззренческого дуализма, понятия механического сочетания

физиологического и социального факторов, Золя в диалектике своего творческого процесса иной раз испытывал ломку если не своей концепция в целом, то основного образа. Так случилось с образом Эжена Лантье в «Берингале». Этот образ был предварительно намечен более со стороны физиологической, чем социальной. В процессе писания романа и под давлением социальной темы Золя вынужден был ликвидировать вопрос о большой физиологии персонажа-работного и дать этому образу только социальную характеристику (характерно, что физиология этого персонажа он затем перешел его брату, персонажу «Человека-зверя»). Так в процессе творчества расцвела замученный образ. Так замысел оказался врагом Золя, как стих Бераже — «врагом поэта».

Во вот роман написан и печатается в газете. Увидя свою вещь в печати, Золя начинает ужасаться. «Роман ужасен в фельдетах, я сам его не узнаю». Что же ему не нравится? Язык. И он немедленно приступает к переработке стили романа. «Я прошевел над вычитательными фельдетами davvero работу, угоняя фразы, которые мне не нравились, а они все мне не нравились».

Так работав вечный труженик Золя, и за показ этой работы, этого волеушего, великого и поучительного зрелища, за тщательное-любное и максимально добросовестное реконструирование характернейшей особенности творческого труда истинного художника автору книги должны отступиться все его грехи. Впрочем, их не так много: тжалый язык, недостаточное освещение дефектов творческого процесса Золя (на стр. 170 лишь очень бего упоминано о его метавичности и его торпидности в работе), необдуманное наименование им некоторых своих персонажей учениками Маркса, тешидения к смягчению большой роли физиологии у Золя и т. д.

Несмотря на эти отдельные недочеты, книга о творческой лаборатории Золя, написанная знатоком вопроса, проработавшим материалы, которые только еще не освоены и на Западе, заслуживает положительной оценки и без сомнения привлечет к себе широкий интерес писательской среды.

Сто лет со дня рождения Акакия Церетели

А. ГЕОРГАДЗЕ

Мастер эпоса и лирики

В предстоящем юбилее Акакия Церетели Гослитиздат выпустил на русском языке сборник стихов великого поэта.

Из богатейшего и разнообразнейшего по жанрам литературного наследия Церетели в сборник включено около 75 лирических стихотворений, три поэмы и стихотворная драма. Но этого достаточно, чтобы перед читателем встал образ мыслителя, революционера, патриота, поэта. И нужно понимать, что образ вырисовывается с достаточной полнотой и отчетливостью.

В стихах А. Церетели русский читатель найдет много общего с творчеством Лермонтова, Шевченко и Некрасова. Это объясняется не столько влиянием этих поэтов на Церетели, сколько общими идеалами, родственными пониманием миссии поэта, любовью к угнетенному народу.

Большинство лирических стихов, помещенных в сборнике, посвящено сборю. Однако ни в одном из них вы не услышите восторженных или разочарованных восклицаний. Народ стал под двойным игом социального и национального порабощения. Чувств своих он не мог выразить. И поэт в своих песнях отражал народное горе:

И песнь летит сестры нежной,
Моя печаль созвучна ей.
Твой стих, сирень, репает мне
О столах Грузии моей.

Проходили годы. Революционный застой сменялся ветрами революции. Еще пуще затем началась буревестная реакция. Но никогда за всю свою долгую жизнь поэт не терял веры в неослабеющую силу грузинского народа. В одном из ранних стихотворений, помещенном в начале сборника, он пишет: «Как стража родины своей, Грузии выиду». А в последнем стихотворении сборника он восклицает: «Не умрет народ, который Руставели породил». Это не случайное обращение лирического раздела сборника. Связь поэта с народом чувствуется в каждой странице. Поэт воплощает в своих произведениях замечательной полнотой и глубиной дух грузинского народа, веками борющегося за свободу и за счастливое будущее. Он с любовью описывает прошлое своего народа. Но оживляя исторические образы, А. Церетели не отвлекает читателя от современности. Рисует эпизоды из прошлой жизни Грузии, поэт показывает, как надо любить свое отечество, с какой беззаветностью надо служить интересам народа. Во вступлении к поэме «Натала» А. Церетели пишет:

Шествуй дорогой созвездий,
Воображение поэта,
Стань со светилами вместе
Вечным источником света.

В поэме показана подготовка к восстанию лучших сынов Грузии, задумавших свергнуть монгольское иго. Героиня Натала — олицетворение женственной красоты и мужественного духа. Своим личным чувством она поджигает любовь к родине. Только тот будет ей мужем, — ставит она условием всем, добивающимся ее руки, — кто обгирит вражеской кровью широкую ее белую кожу. Он должен быть героем, «должен с врагом он сражаться неутомимо и смело». Таким героем оказался Потие Дзаники, пламенный борец за родину. Во время свадобного пира Натала загрузила Потю. Потие обеспокоился. Натала объясняет свою грусть:

Как мне участвовать смело
В плясках застошных и песнях,
Ведь отчаянная каргеза
Привалит монгольский наместник.

Тогда Потие открывает ей и своим друзьям тайну о готовящемся восстании. Натала от счастья охвачена. Она берет в руки чонгури и поет песню «Дела-дела». Это песня, в которой страстная любовь к родине сочетается с неумолимой тоской о ее порабощении и с вдохновенной мечтой о ее освобождении и возрождении. Песня эта давно уже стала самой любимой в грузинском народе.

Чонгури — это юный,
Но мощный край каргеза,
А мы — отчаянные струны,
О — дела-дела-дела.

Но вот до Потие доходит слух, что его соратники потеряли поражение и осуждены на казнь. Он добровольно является во вражеский стан, чтобы разделить участь друзей. Узнав о беде, в которую попал Потие и его соратники, Натала бесстрашно предстает перед свирепым воином. Ее величие и красота ослепляют монгольского владыку. Ее гордость и смелость обезоруживают его. Беззаветная любовь к родине и мужество плененных грузин находят его на мысль, что с таким народом лучше быть в дружбе, чем во вражде.

С немалой силой изображает Церетели в поэме «Торнике Эристави» героический поход грузин в Малую Азию и историческую битву в долине реки Галиси. Идея поэмы: народ, чья любовь к родине выше всех других чувств и интересов, — непобедим.

Обе поэмы написаны наружными, мелодичными стихами. Образы героев созданы поэтом со скульптурной выпуклостью, широкие полотна батальных картин и пейзажей, напряженное сюжетное развитие и удивительная простота композиции свидетельствуют о высоком искусстве мастера А. Церетели. Песни же, органически вращенные в поэму, как, например, «Дела-дела» или песня об Амиране, говорят о его лирическом гении.

Стихи, воспевающие радость труда и Акакия Церетели. «Избранник». Переводы с грузинского, под редакцией В. Гольцева и С. Чиновани. Гослитиздат, 1940 г.

А. ЦЕРЕТЕЛИ
■ студческие годы

Великий поэт Грузии умел мечтать о лучшем будущем, и его мечты совпадали с народными мечтами. В замечательной исторической поэме «Торнике Эристави», пронизанной самым глубоким патриотическим чувством, он говорит:

Именно в народе, в благодатной родной почве черпал Акакий Церетели свои творческие силы. Свою прекрасную родину — Грузию он любил беззаветно и говорил о ней с огромным воодушевлением.

Но не в одной только Грузии была обращена творческая мысль Церетели. Национальная ограниченность, которую проповедывали многие грузинские псевдопатриоты, была ему совершенно чужда. И как поэт

Будем мотыжить мы поле,
Песню рабочую грянем,
Чтоб разлучился нам с болью,
Вечной нуждой и страданьем.

В другой песне поэт восклицает: «Эй, серцы тощие, братья! С вами вместе буду жить я... Сердцем мы войдем в работу». Обращаясь к рабочим, поэт говорит: «Но ваша сильная порода все стерпит, все перенесет». Однако не к смиренному терпению призывает поэт.

Надежда путь нам указала,
С надеждой соберите рать,
Рабочие! Десница скала
Недаром молот, что ковать.

В стихотворении «Желание» поэт открыто, без всякой маскировки указывает на необходимость решительной борьбы с паразитизмом.

Большой интерес вызывают сатирические стихи А. Церетели. Занимая в творчестве поэта значительное место, они в сборнике представлены, к сожалению, очень скупо. Напечатано всего три стихотворения: «Купцу», «Знарок апелляции», «Стал ты, брат, состоятельным». В этих стихах поэт бичует разложившуюся паразитизмом и измену родине. Едкой шуткой разит он торгашей и купцов. По силе сарказма и по форме эти несомненные памфлеты напоминают куплеты Беранже.

Широко представлены в сборнике стихи, в которых А. Церетели излагает свое поэтическое «срез». Способность замечать дала Мне в дерзкий дар природа,
И я люблю, как зеркала,
Все, что мелькает у входа.
И слышу и перелетаю
Линь то, что в полной мере,
Впридачу к своему чутью,
На опыте проверю...

— пишет А. Церетели в стихотворении «Поэт». Но не пассивным складывает и созерцателем должен он быть, а служить правде, бороться против угнетателей, возбуждать благородные чувства и мысли в народе.

Близость к народу — это ключ к бессмертию. «Линь тот на земле и до стоня бессмертия», — пишет Церетели, — «любя сердце как дар у народа получить». Любить к родине — это самое высокое чувство, которое владеет поэтом.

И что человеческий дух возвышает Сильнее, чем память о милой отчизне.

Личные чувства поэта перенесены с любовью к родине. Он обращается к ней с нежнейшими словами, проникнутыми глубокой страстью и вдохновением, как к единственной, неповторимо-любимой женщине.

Брызловый, изумрудный Край, которым я дышу,
Твой я. За тебя умру я.
О тебе и скорбя пошу.

И обращаясь уже к подлинной женщине, он не отрывается мыслью от родины:

Целовать эту грудь мне охота,
Но потому, что ливен нежней,
А потому, что бойца-патриота Ты терпеливо восхорнула у ней.

Так мотивы любви, патриотизма, революционного мужества, мечты о человеческом счастье сплавилось творчеством А. Церетели.

Всю свою долгую и славную жизнь Акакий Церетели отдал на служение родному народу. Все, что он писал в стихах и в художественной прозе, все, что он говорил и делал, было неустремлено до конца. Будучи великолепным лириком, способным мастерски передавать тончайшие человеческие переживания, Церетели никогда не забывал о прямой обязанности художника слова выражать народные стремления и откликаться на события эпохи. «На литературу я смотрел, как на простое оружие в повсеместной борьбе за хорошее и доброе дело», — писал он в одной из своих статей. Своим назначением поэта он поэтически определял так:

Я беру мою чонгури,
Чтобы правде послужила,
Чтоб она, встречая бури,
Мысль на бой вооружила.

(Перевод А. Гатова).

И мы знаем, что произведение Акакия Церетели служило мощным боевым оружием в руках родного грузинского народа, борющегося против самодержавия и всей системы эксплуатации человека человеком. Поэт всегда принимал близко к сердцу народное горе и всячески стремился помочь угнетенным трудящимся. С глубокой грустью порою смотрел он вокруг и видел проявления грубого насилия над народом. Но даже в самые тяжелые годы политической реакции, когда казалось, что все живое переспиливается мертвым, Церетели не утрачивал веры в конечную победу трудящихся над всеми эксплуататорами. Свою неисчерпаемую бодрость ему удавалось передавать другим.

Великий поэт Грузии умел мечтать о лучшем будущем, и его мечты совпадали с народными мечтами. В замечательной исторической поэме «Торнике Эристави», пронизанной самым глубоким патриотическим чувством, он говорит:

Но придет, настанет время,
Цени разорвет народ,
Сбросит он страданий бремя,
Встретит радости приход.

(Перевод С. Спасекого).

Именно в народе, в благодатной родной почве черпал Акакий Церетели свои творческие силы. Свою прекрасную родину — Грузию он любил беззаветно и говорил о ней с огромным воодушевлением.

Но не в одной только Грузии была обращена творческая мысль Церетели. Национальная ограниченность, которую проповедывали многие грузинские псевдопатриоты, была ему совершенно чужда. И как поэт

Будем мотыжить мы поле,
Песню рабочую грянем,
Чтоб разлучился нам с болью,
Вечной нуждой и страданьем.

В другой песне поэт восклицает: «Эй, серцы тощие, братья! С вами вместе буду жить я... Сердцем мы войдем в работу». Обращаясь к рабочим, поэт говорит: «Но ваша сильная порода все стерпит, все перенесет». Однако не к смиренному терпению призывает поэт.

Надежда путь нам указала,
С надеждой соберите рать,
Рабочие! Десница скала
Недаром молот, что ковать.

В стихотворении «Желание» поэт открыто, без всякой маскировки указывает на необходимость решительной борьбы с паразитизмом.

Большой интерес вызывают сатирические стихи А. Церетели. Занимая в творчестве поэта значительное место, они в сборнике представлены, к сожалению, очень скупо. Напечатано всего три стихотворения: «Купцу», «Знарок апелляции», «Стал ты, брат, состоятельным». В этих стихах поэт бичует разложившуюся паразитизмом и измену родине. Едкой шуткой разит он торгашей и купцов. По силе сарказма и по форме эти несомненные памфлеты напоминают куплеты Беранже.

Широко представлены в сборнике стихи, в которых А. Церетели излагает свое поэтическое «срез». Способность замечать дала Мне в дерзкий дар природа,
И я люблю, как зеркала,
Все, что мелькает у входа.
И слышу и перелетаю
Линь то, что в полной мере,
Впридачу к своему чутью,
На опыте проверю...

— пишет А. Церетели в стихотворении «Поэт». Но не пассивным складывает и созерцателем должен он быть, а служить правде, бороться против угнетателей, возбуждать благородные чувства и мысли в народе.

Близость к народу — это ключ к бессмертию. «Линь тот на земле и до стоня бессмертия», — пишет Церетели, — «любя сердце как дар у народа получить». Любить к родине — это самое высокое чувство, которое владеет поэтом.

И что человеческий дух возвышает Сильнее, чем память о милой отчизне.

Личные чувства поэта перенесены с любовью к родине. Он обращается к ней с нежнейшими словами, проникнутыми глубокой страстью и вдохновением, как к единственной, неповторимо-любимой женщине.

Брызловый, изумрудный Край, которым я дышу,
Твой я. За тебя умру я.
О тебе и скорбя пошу.

И обращаясь уже к подлинной женщине, он не отрывается мыслью от родины:

Целовать эту грудь мне охота,
Но потому, что ливен нежней,
А потому, что бойца-патриота Ты терпеливо восхорнула у ней.

Так мотивы любви, патриотизма, революционного мужества, мечты о человеческом счастье сплавилось творчеством А. Церетели.

МЕЧТА ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Виктор ГОЛЬЦЕВ

и общественный деятель, он не сосредоточивал своего внимания на узко-национальных проблемах. Самый подлинный и страстный патриотизм сочетался у него с широкой мировоззренческой.

Песомненно, что Акакий Церетели обладал глубокой продуманностью и верными представлениями о культурном взаимодействии и сближении различных наций. Новый расцвет национальных культур он связывал именно с преодолением национальной замкнутости и выходом на общепланетарную арену. Недаром покойный народный артист А. И. Сумбатов-Юшкин, неоднократно встречавшийся с Церетели, отмечал, что поэт объединял «в своем вдохновении душу своей родины с миром всечеловеческих идеалов».

Принимая, наряду с Ильей Чавчавадзе, самое активное участие в национально-освободительном движении, Акакий Церетели боролся за лучшее будущее не только Грузии, но и других угнетенных паразитом народов. Мечтая о счастье родины, поэт одновременно мечтал и о ее свободном объединении с другими счастливыми народами. Подобные мысли и чувства у него с большой силой выразил еще 9 декабря 1881 года в стихотворении «Мечтания на тарю»:

Я вижу, словно с вышки башенной,
Родную землю разукрашенную,
И вижу рай, кусты жасминовые,
И слышу песни соловьиные.
И слышу песни соловьиные.
И слышу песни соловьиные.
И слышу песни соловьиные.

(Перевод В. Звягинцевой).

Несомненно, что всю свою жизнь великий грузинский поэт лелеял мечту о братстве народов, основанную на равноправии и взаимном уважении. Самые отрицательные проявления великодержавности царских чиновников никогда не могли заглушить в Акакии Церетели истиннолюбивую любовь к русской культуре. Своим содружеством в местных журналах он начал с перевода на грузинский язык «Ветви Палестины» Лермонтова. Ему же принадлежат высокохудожественные переводы более чем полтора десятка басен Крылова, статьи о Льве Тол-

стом. Особого внимания заслуживает стихотворение 1886 года, посвященное Гоголю, в котором Церетели говорил:

Мы склонились всенародно
Пред художником могучим,
И хвалить его искусство
Мы детей своих научим.

В этом же стихотворении последовательно проводилась мысль о том, что большое искусство — «всех народов достояние». Свободный универсализм настоящего художника слова, опущение интернациональных связей ставилось Акакием Церетели чрезвычайно высоко.

В замечательном патриотическом стихотворении «11 сентября» Церетели вспоминал о битве великого воителя Грузии с огромными полчищами иранцев под Крандисом, произошедшей 11 сентября 1795 года. Вышевая героическая преданность, павших в бою за родину, автор отдал, что русский народ «навеки грузинскому верен народу». Конечно, под «верным союзом» двух народов он подразумевал их свободное дружеское единение. Именно на такую прочную спайность двух «лежен разных и разноязычных» Акакий Церетели и возлагал свои лучшие надежды:

И братства того прямотушная сила —
Источники и дной и дельней великих.

Старую, официальную, бюрократическую Россию великий поэт не видел до глубины души за проводимую паразитом политику великодержавного угнетения малых народов. Но со всеми передовыми силами настоящих, трудовой России он был готов собою бороться против общего врага — самодержавия. С большой чуждостью и отчужденностью Акакий Церетели всегда воспринимал проявление полностью дружеского внимания со стороны русских к его любимой родине — Грузии. Характерно, что однажды летом 1912 года он сказал при встрече кавказоведу С. С. Анисимову: «Вы — русские, а мы — грузины и говорим на разных языках. Но когда люди говорят друг другу с уважением и живой любовью, то на каких бы языках они ни говорили, в этом чувствуется любовь они могут и должны понимать друг друга». А незадолго до смерти Церетели говорил друзьям о том, что мечтает «узреть наступление всеобщего мира, связанного со счастьем моей милой родины, Грузии, общего нашего отечества, великой России».

Судьбы и других наций затрагивали, волновали поэта Грузии. С особой любовью Акакий Церетели относился к украинскому народу и его поэтическому гению — Т. Г. Шевченко. Вспомнил на склоне лет о знаменательной петербургской встрече с Шевченко в 1860 году. Церетели с благодарностью отзывался о великом Кобзаря: «И первый раз пошел с его слов, как надо любить родину и свой народ».

Большой интерес проявлял Акакий Церетели и к азербайджанской литературе, высоко расценивал творчество писателя-классика Мирзы Фаталы Ахундова. Он переводил на грузинский язык его поэму «Ханский визирь». Много внимания Церетели уделял культуре Армении, поддерживал дружеские связи с мастерами армянской литературы — великим Ованесом Туманяном, Габриэлом Сундукьяном и Вагеном Терьяном. Сундукьяном он даже перевел два прекрасных стихотворения, направленных против пережитков уродливо-грузино-армянского антагонизма. Стихотворение 1910 года начинается так:

Ты — армянин, а я — грузин,
И все же братья мы родине,
И край родной у нас один,
Кавказа вышен дельные.

(Перевод П. Антокольского).

Неудивительно, что именно Акакий Церетели, борясь за дело освобождения трудящихся, первым перевел на грузинский язык текст «Интернационала». За смелое опубликование этого перевода тифлисская «Маленькая газета» была закрыта царскими властями, а самого переводчика привлечли к судебной ответственности. Но так была велика популярность Акакия Церетели, что диктатура свободы народов не решилась покарать его.

Когда в начале 1913 года лучшие представители московской революционной интеллигенции во главе с Валерием Брюсовым и А. И. Сумбатовым-Юшкиным посетили Акакия Церетели, тот ответил на приветствия совершенно замечательной репликой: «Страна, которая создала Руставели, написавшего «Носающего барову шкуру», Вахтанга VI, царю Тамару, не умрет, не может умереть», — патетически восклицал Церетели. «Она выйдет победительницей в борьбе за свое культурное развитие и вступит в будущее в братскую семью свободных народов».

Заветная мечта великого поэта Грузии осуществилась в наши дни. И братская семья свободных советских народов, вдохновенных гениев Сталина, горжась и благодарно вспоминая Акакия Церетели.

Акакий Церетели — прозаик

Евг. ЛУНДБЕРГ

тиралов. В эпоху императорского Рима напылись для сей цели рассказчики, развлекали народ, чтобы он не вспоминал о потерянной свободе. Средневековые трубадуры и миннезингеры были мастерами сатиры. Рассказчик, собиравший выходы народа у камелька в долгие зимние вечера, был рассказчиком как персонаж новеллы XIX века — потомком безвестных мастеров этого жанра.

«Когла рассказывают сказку», — писал Дидро, — имеют в виду ного-нибуль, кто ее слушает, и то короткое время, которое необходимо, чтобы ее рассказать, причем лишь редко слушатель не прерывает рассказчика». Так складывался свой сказки о жизни А. Церетели, — всегда ощущая присутствие слушателя и находясь в его сочувственном волнении. Он даже в глубокой старости пускался в странствия по Грузии, чтобы еще видеть, еще слышать, еще общаться — с народом больше, чем с интеллигенцией. Он был прекрасным оратором, его остроумие и злоязычие все же лишь в слабой степени отражены в его произведениях, как ни остры последние; личное его обаяние в значительной степени определяется этим даром живой импровизации, который мы с таким восхищением улавливаем в каллиграфном узор его прозы.

«Бани-Ачук» и «Пережитое» — наиболее значительные по объему и по замыслу прозаические произведения А. Церетели: первое является образцом уравновешенности и по трактовке темы примыкает к его поэмам; второе полно нежностью, нестройно и поемно. А. Церетели в нем не только вспоминает спутников своих детских и юношеских лет, но и судит их. Эта полемичность придает «Пережитому» большую напряженность и терпимость.

С нежностью поэт вспоминает только о годах, проведенных в доме кормилицы, — здесь все было понятно, радостно, солнечно. Не в княжеском дворце, а в деревенском Савано роится поэт, творчество которого грузинский народ порою не отличал от собственного своего — коллективного творчества. В рассказе Акакия о томашней жизни всегда чувствуется какая-то горничка. Образ матери стилизованно полуприкрыт телом ребенка, видно, его раппорт ее суровости. Ничтожество отца он почти не скрывает, хотя анекдотом о нем полагается с достойной сдержанностью. А дальше писателю уже не остается ограничивать себя. Быт помещика-феодала, кутаисская гимназия, юные грузинские князья, прогнившие жизни в Петербурге и воспринимавшие скачки как государственное дело, обрисованы с той бесшаманностью, которая возбуждала ненависть к современному аристократическому обществу.

Студенческие годы в Петербурге, связь с русскими шестидесятиниками и перестройка мировоззрения сжаты, к сожалению, в нескольких белых страницах, мы ничего и не знаем, как не узнаем ничего и о борьбе внутри студенчества, об антиинституциональной жизни Церетели, о возникновении первых его песен. Поэт — при огромной своей общительности — избегает самораскрытия. В этом отношении он резко отличается от современника своего И. Чавчавадзе — от «властителей дум» его поколения в России — от чужлого ему Тургенева и несомненно созвучного Некрасова. Церетели творчески преодолевает внутренние конфликты, — следов этих конфликтов мы почти не находим в его произведениях, хотя заподознить знаем, что их было не мало. Он настолько борется по натуре, что внутренние конфликты представляются ему помехой. Вот почему Церетели-прозаик ближе к Церетели-сатирику, чем к лирику. Лишь в повести «Бани-Ачук» он вновь романтическую приподнятость в изображении грузинской старины, однако это отступление от реализма мы воспринимаем как «сюрреальное поэтическое чувство», по выражению Арт. Лейста, либо как педагогический прием по отношению к разложившемуся и усталочническим элементам грузинского общества.

Портретная галерея современников, приложенная к «Пережитому», выделена в тех же сатирических тонах по отношению к противникам, как главы, выходящие в воронковом кружке в Одессе или «нонконитам его величества» в Петербурге. Другая трактовка с мягкой иронией и теплотой (Г. Церетели, П. Николаев, А. Казбек). Рассказы о той или другой встрече или характеристика завершаются обычно анекдотом — таким образом писатель освобождается от обязанности вдаваться в детали или развивать свою точку зрения. От портрета тянется отчетливые пятки в сатирической поэзии — в рассказе о том, как И. Кереселидзе устал Александр Дюма, перекладывается с «Грузинским патриотом», характеристика же поэта-романтика и сатирического реакционера Григора Орбелиани по напряженности своему достигает высоты сатиры «Нет чувства в пале».

В «Смерти» А. Церетели сводит счеты с наиболее противными ему явлениями литературной и светской жизни. Эта вторая коллекция портретов-миниаюр в сочетании с песнями «Кинто», «Сцена в тюрьме», «Алвакт» и др., дает резкую картину ярости и правдивости картину нравов конца XIX века. Тинаж, словесник, мотивировка действий в этих произведениях звучат тщательной историко-литературной разработкой.

Церетели знал, как никто, родную

страну в живых деталях ее истории и быта. Он не «заминтовал» образы и мелодии у него в крови, в сокровеннейших уголках творческого сознания, оттого он с такой уверенностью и тактом превращал народные сказки в политические памфлеты («Сказка о желудке») или вкладывал в них новое философское содержание («Гонимые-невы»).

В прозе, как и в стихах, А. Церетели неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта. Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие... В Грузии стар и мал вдохновлялись на протяжении веков этой поэмой и подражали ее героям. Когда все кругом неустойчиво возвращается к теме поэзии и поэта, Сам он в раннем детстве затвердил наизусть «Носающего барову шкуру», «Духовенство жаловалось», — пишет он в «Бани-Ачук», — что народ полюбил «Носающего барову шкуру» больше, чем евангелие

О детях для родителей

М. ШКАПСКАЯ

Белинский сказал, не без зыбкости, что животные, родившиеся от льва и львицы, являются львом без всяких усилий и стараний со своей стороны, но человек, даже родившийся человеком, может сделаться и волком, и ослом, и чем угодно.

Характерно, что пята эта взята из его статьи о детской литературе, которой как раз и приписывается могущественная роль в воспитании ребенка и превращении его в человека, а не в одно из упомянутых животных.

Проблемой коммунистического воспитания детей заняты у нас сейчас, можно сказать без преувеличения, вся страна: школа, родители, партия, комсомол, пионеро-ряды, пресса, общественность, даже суд.

II. может быть, меньше всего откликается на нее наша литература.

С этой точки зрения книгу Е. Кононенко «Разговор по душам» можно только приветствовать. Это одна из первых книг, где затронуты вопросы нравственности, этики и морали в среде нашей молодежи.

Грубость и изнеженность; хулиганство и героизм; трусость и дружба; детские драки и первая любовь; выбор профессии и отношения между мальчиками и девочками; конфликты между отцами и детьми, между старшими и младшими членами семьи; одежда и курные влияния; хорошие и плохие товарищи; роль педагога и комсорга в воспитании — словом, подлинная энциклопедия.

Пасьялыница собрала большое количество фактов, добросовестно изучила современную молодежь. Дети показывают ей свои дневники, пишут письма.

Девочка-подросток Марина упрекает ее: «Вы, взрослые, чаще всего говорите о детской любви, улыбаясь такой синхронизированной улыбкой! Вы, взрослые, даже не считаете ее за первую любовь... Мы мучимся, а вы смеетесь или стараетесь не замечать».

Пятинадцатилетний Аркаша Ч. пишет ей: «Я не способен стать таким человеком, каким должен быть гражданин страны Советов... Тяжело человеку, разочаровавшемуся в самом себе, а именно это со мной и случилось. Как жалко, что такой человек, как Островский, умер! — с радостью бы отдал бы свое здоровье».

Эти человеческие документы при всем их разнообразии не оставляют сомнения в их подлинности. Чего стоит, например, такая записка: «Сева, давай уговоримся... — распиваться кровью каждую пятнадцатую в пятый день, в 8 часов 37 минут вечера. Изобретать изобретение. Придумывать необыкновенное... Молчать подлая три выходных дня. Ночью, ровно в три часа просыпаться и почесать пятку левой ноги. Сестра на табуретку и смотреть на часовую стрелку один час не моргая. Феда».

Так и видишь перед собой этого Федю, который не знает, куда девать избыток сил, но инстинктивно чувствует, как необходимо ему укрепить свою волю. И какие испытания — подумайте: молчать три выходных дня!

Так же подлинны, хотя и отвратительны, стихи из девичьего альбома:

В тиши ночной, в тиши глубокой
Стояла пара у крыльца,
С прелестной девочкой блондинкой
Кавалер прощался навсегда.

Тут же звучит уголок странички и под надпись «секрет на сто лет» — совет не любить черные глаза.

А вот дневники: сержин, например, «Я целую ночь думал, даже сегодня болела голова и есть не хотелось. Я окончательно решил отдать свою жизнь на завоевание Арктики... это единственная и главная мечта моей жизни, и если закрыешь глаза, то видишь даже льды и всё. Только как долго ждать! Пока вырастешь, они все успеют сделать».

В ожидании он закаляет себя — ходит зимой во двор без пальто. Вель к победим падо готовится. Уметь владеть собой он придает огромное значение. Когда у дяди Митрона ушла жена, он пишет: «Не понимаю: паранормат — и раские. И из-за чего?.. Я дядю Митрона по слух порок уважал, как старого человека».

Прочитав у Зингеля об умершем солдате и истинности органической жизни на земле, пишет с волнением: «Неужели правда так будет? А главное, неужели я тоже когда-нибудь помру? И этого еще никак не могу представить. Мне охота сочинить повесть под названием «Труп солдата».

Он жалуется, что читать ничего: про животных и из детской жизни уже разлюбил, любит читать «из настоящей жизни» и тут же залпывает с восторгом, что товарищ подарил ему «настоящую человекоподобную кошечку от паша».

Дневник Ваня, угубого балитом Жорой Макитиш, дети читают, вернувшись с его мотыги, отсюда его особая убедительность. «...говорили об архитектуре. Города градуются! Вот это будут города!... Архитектура может влиять на чувства человека — может вызывать радость или уныние, чувство силы или слабости, движения или покоя. Вот я хотел бы создавать здания, которые вызвали бы в человеке радость, вливали бы в него новые силы, звали бы его к творчеству. У нас в стране должно быть что-то совсем новое. Лучше, чем греческие Акрополь и Парфенон, величественные римские Пантеоны, Коллизеи».

В день, когда Ваня с товарищем прочли статью академика Липы Штерн — они чувствуют себя Колумбами. «...так увлеклись, что даже читали на немецком... Оказывается, старость человека — это просто результат химических процессов в его организме. И вот физиологи хотят овладеть этими процессами. Вот это замечательно!... Что, если мы сумеем пролить творческую жизнь гениальным общественным деятелям, писателям, ученым, актерам, художникам?».

Нельзя же волнения читать эти строки. Видишь, как живых... этих львят — мужественных, ярких, влюбленных в «восточную жизнь», нитки взорных, иногда сбивающихся с правильного пути, но всегда горящих и полных энергии детей наших, этих хозяев будущего.

Автор не только коллекционирует такие документы и факты, он живет со своими героями, по-настоящему дружит с ними.

Е. Кононенко. Разговор по душам. Детиздат. 1939.

Комедия Кондрата Крапивы «Кто смеет последним» по рассказу читателя. Но прерваться в зритель, читатель, звонко хохотал, то и дело мешая актерам бурными проявлениями восторга.

Почему же на сцене, в действии, в движении, в определенной обстановке комедия ожила, засила бестактными ирониями и юмором, а некоторые ее герои позлодевали?

Объясняется это тем, что К. Крапива написал очень сценическую пьесу, комедию ярких характеров и острых положений. (Опыт талантливого белорусского драматурга может многое научить тех, кто пытается постичь законы комического. Вот почему хмурым читатель комедии и ее восторженным зритель, возразившее талантам актеров белорусского драматического театра, снова развернул отмеченную пока только на машинке рукопись комедии.)

Первое качество этого произведения — законным в характеристике действующих лиц. Дворник Ничипор и уборщица Катя Катя только что установили новую мебель в кабинете директора и обсуждают его пристрастие к роскоши на государственном счете. Тете Кате вообще непонятно, чем занимается в этом учреждении — кисти разбирать, пересылать песок и приносить, что это серьезное дело. Ничипор солидно объясняет ей, что такое институт геологии.

Экспозиция пьесы — две странички. По мы уже узнали и место действия — институт геологии и некоторые особенности его директора, и характеры двух служащих — солидного Ничипора и добродушно-блестящей Кати.

Эту четкую характеристику уборщицы институт — болтливость — сейчас же умно и тонко использует драматург. Он ставит Катю в вестибюле у вешалки, и она начинает разоблачать сотрудников института не только физически, собирая пальто и шляпки, но и морально — одному приветливо улыбается, с другим заговаривает настороженно, вежливо, пренебрежительно, третьего смеет и выпустит.

Приглядываясь к героям, мы увидели и некоторых знакомые черты. Научная сотрудница Вера — ранняя птичка, она явилась раньше всех и нетерпеливо ждет профессора Чернуца. Она провозносит гусиные качества своего патрона, энтузиаста науки, хранителя сокровищ старушки-

Копоненко тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Все это лишний раз подтверждает, что это книга о детях, но не для детей. Зато вот для родителей она просто клад. Она многое раскроет нам, над многим заставит задуматься.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Конечно, тревожится сама, тревожит нас, — в этом ее большая заслуга, и за это прощайтесь и недочеты, и неверный адрес, и некоторую литературную неуклюжесть.

Комедия характеров

В. СУХАРЕВИЧ

зает возможность работать и уверяет его в своей любви к науке, пытается этим нейтрализовать его.

Тут мы подходим к главному — к большой идее, обогащенной пьесу, деловой ее сбитым в советской драматургии. Автор не только ставит злободневные вопросы, он будит мысль о спайках, которые должен в себе испытывать человек. Он как бы говорит, у нас есть беззащитные зоны и овладевая ими, враг может по-прежнему по своей дороге — поворной, грязной, ухмылькой.

Как только занатанный Туляга соглашается писать работу за Горюховского, он назвал себя поземом, но из боязни не мог отказаться. Он сделал первый шаг, и трагедия засасывает его дальше. Вы трус, геолог Туляга! Пригласите в кабинет директора, где он обнимал секретаршу, и безропотно изображайте любовника перед его женой, порывавшей в кабинет! Директор спас свою шкуру от ревнивой, способной на все жены и, войдя в свой кабинет, обрубил при лютых на вашу седую голову клинку развратчика.

Этот возмездный прием не оскорбляет Тулягу и зряния, он подготовлен логикой событий. На сцене почти трагическая ситуация: Горюховский рывал все, секретарша — прической, а Туляга из трусости совершил еще одну подлость. Все в смятении и растерянности, а в зрительном зале зловонный хохот.

Что вызвало смех? Мы уже сказали, что драматург всегда стремится обрисовать своих героев одной — пусть не новой, но достаточно яркой краской. Горюховский смея и быстр в решениях. Туляга появился под облом в нужную минуту, и спорный на руку директор приказал: «Пригласите сюда, полковник Поганский!» От страха едва не лишившись смелости, Туляга прыгает, чтобы тут же избрать любовника. В этом фарсе он минуту играл роль мнимого влюбленного, чтобы потом наложить печать посмешища на действиях института и для зрителей. И этот смех унит и Тулягу и зрителя. Он показывает нам, до каких глубин нравственного падения может дойти человек, если он трус. Смех язвительный и тех, кто смеется, и тех, над кем смеются.

Нет логичной комедии, в которой не осмеивались бы общечеловеческие слабости и пороки. Этот закон комического прекрасно использовал драматург. Больше того, он убедительно показал, как умирает дурачество в человеке, как под ударами событий трус набирается смелости и начинает нападать. Горюховский погибает от руки слабейшего, и для расправы с ним выбрано то же грозное оружие — смех.

Пока, где-то за стенами института, парком собирает сведения о позорительном директоре, Туляга пишет за него падающую работу. Он даже нашел кое-какую надеждающую новому виду ископаемого, которому посвящен «труд» Горюховского.

Трибуна учебного, читающего доклад окрывают: вооруженный знаниями профессор Чернуца, добывший нужные сведения секретарь партера, дворник Ничипор и готовый в любой момент прийти на помощь патрону Зелькин.

Заглядывая в шпаргалку, Горюховский с увлечением рассказывает об открытом им новом типе ископаемого. Исполнительная мамонтова свинья — всеядное. Она ела ягоды и лакомилась людьми. Имела бокальный вес. Из-за неблагоприятного климата мелячала, вымирала и превращалась в современную свинью.

Горюховский не полтора года, что читает памфлет о самом себе. Так Туляга сделал его шутком поповоде. Горюховский зашаркает, врет, заигрывает оппонентов, но тут его «смелость» приобретает новое качество — она становится не страшной, а смешной.

Сначала ученое собрание не смеется. Все его участники смущены и подавлены. Каждый новый вопрос срывает маску с невежды. Он назвал Пермский период Ватскии. Но в Пермский период не вопились свиньи, для него характерны амфибии — животные, которые могли жить и на суше и на море и имели жабры. Оказывается, и свинья Горюховского отличил эти признаки. Она имела жабры... Солидный Ничипор расомтел юнец и искренно изумился: какой рождень ум для того, чтобы по кости, которую недавно принес в коридор смелый «Жулик», сделать такое открытие!

Последний вопрос, сформулированный Горюховского, залал Туляга: как называлось это животное по-латыни?

— Свинью грандиозус, — выкрикнул Горюховский.

И тогда впервые раздался хохот на сцене. Оказывается, не страшен, а только смешен этот человек. С многоголоського пристраж сорваны все маски, и он предстал — фишка, комедиянт, невежда — в образе свинячьего мамонта, созданного воображением Туляги.

Драматург не избежал традиционной заключительной речи. Но для нее заготовлен превосходный материал. Подумайте сами, какая находка для оратора — свинья, которую можно изъять за жабры, свинья, пожившая льдом и вымирающая в наши дни из-за изменившегося климата. Образную речь секретаря партера прекрасно принимает зрительный зал.

Замечательен финал комедии. Горюховский все еще бегает и возмущается, пока не разольются все участники собрания. Остается один Туляга. Бросившись к нему, Горюховский заискивает руку для удара. Но Туляга гордо выпрямился, отстраняет его от себя и спокойно пошел к выходу. В схватке с врагом Туляга-трус приобрел новое качество — смелость.

«Танкер «Дербент» на немецком языке

В только что вышедшем № 6 журнала «Интернациональная литература» («Литературная Блеттер») начал печататься роман Ю. Крымова «Танкер «Дербент».

В том же номере помещена новая новелла Теодора Паппе, рассказ Алама Шаррера, переводы детских стихов Маяковского, Гавро. Квитко, Михайлова и несколько статей.

«Литературная газета» № 34

Литературная газета

№ 34

5

Посмертная выставка художника Н. А. Плотца. На снимке: «К вечеру».

ПЕРЕД СПУЩЕННЫМ ЗАНАВЕСОМ

А. КРАМОВ

Народный артист УССР

почти отсутствует не только в современном советском репертуаре нашего театра, но и в значительной части нашего классического репертуара. — герой, влюбленный нашим зрителем. Но романтический пьес советского драматургия совершенно не дала нашему театру, ибо нельзя называть подлинными романтическими произведениями искусства те немногочисленные «отклики на дежурную тему, которые идут сейчас на сценах наших театров. Либеромантизм, чужающийся ярких чувств, бурных страстей, жизненных, а не надуманных конфликтов, глубоких и потрясающих все человеческое существо мыслей, — кому он нужен? Нам нужен романтизм жизненный, правдивый, на основе которого, если он имеется в пьесе, — только и мыслимо создание настоящих романтических спектаклей в театре. Нам нужна в пьесах и в спектаклях такая героиня, которая разрушает условную диноу рамки, объединяя в едином порыве актеров на сцене с людьми, сидящими в зрительном зале. Героизм и романтика не должны оставаться только скрытыми в авторском замысле пьесы, но, обелченные в убедительную драматургическую и театральную форму, дойти до зрителя и захватить его.

Советский зритель ищет в театре не только интересное, отвечающее его настроениям, желаниям, вкусам пьесу. В театре зритель ищет прежде всего актера и мастера постановщика как главных носителей и истолкователей идей, заложенных в пьесе. Поэтому, если хорошо звучит цифра кассовой статистики, легко будет установить, как по-разному складывается сейчас кассовая судьба одного и того же спектакля в одном и том же городе, в зависимости от того, какие актеры в нем играют, кем спектакль поставлен.

В театре не существует изолированных проблем. Коснувшись вопроса об актере, т. е. о заинтересованности зрителя в том, чтобы на сцене перед ним всегда играли высококвалифицированного мастера, я фактически затронул сложный и важный вопрос не только творческий, но и организационный вопросов советского театра. Наш театр не должен избегать в ответственных ролях малоквалифицированных актеров, так же, как мы не вправе допускать малоквалифицированных рабочих к фабричной конвейерной работе, к учительской кафедре, к рабочему месту ученого. Это значит, что разраба необходимость пересмотра состава наших театральных коллективов, необходимость сделать более действительными производственными темп нашей работы. С положением, при котором крупнейшие театры страны (а в Москве есть театры не только московские, но и всесоюзные, на опыте которых учаются театры Советского Союза) выпускают по два-два спектакля в год, — мириться более

с их реформ не благополучно только с современными советским репертуаром, а с пьесами классиков у нас, мол, все обстоит гораздо лучше. Это заблуждение. Те же театральные статистики могли бы привести самые разнообразные цифры о том, что в отдельных театрах начинают «гореть» и спектакли Островского, Шекспира, Шиллера. Все зависит от качества спектакля и от умения театра выбрать пьесу. Ставить одну и ту же классическую пьесу на сценах нескольких театров в одном и том же городе навряд ли целесообразно. А между тем наш выбор из богатейшего классического наследия на поверку оказывается на редкость мизерным и ограниченным. Упрек этот я отношу не только к другим театрам, но прежде всего адресу его к самому себе. На 60 пьес Островского на сценах советских театров ставится не больше 15 пьес; постановки пьесы из замечательной трилогии Сухова — Кобылина — редчайшее явление не только для сцен нашей театральной периферии, но и для Москвы и Ленинграда. Из всех малых и больших пьес Чехова сейчас ставится только «Три сестры» (да еще старый спектакль «Винные сад», сохранился, как золотой фонд, на сценах МХАТ и Харьковского русского театра); ограничен наш выбор из Шекспира, Шиллера, Лопе де Вега, Тирса де Молина. В этом сезоне мы видели несколько постановок «Марин Стравр» (одну из них, и степь хорошему, мне лично пришлось видеть на сцене Московского театра Ленсовета) и только одну на всю страну постановку «Заговор Флесско» и «Вильгельм Телль».

Я не против инсценировок, в особенности, если они сделаны с достаточным литературным вкусом и с подлинным знанием дела. Успех «Анны Карениной», успех огромный во всех театрах нашей страны, где этот спектакль идет, — лучшее тому доказательство. Но, конечно, зритель ждет от театра раньше всего и прежде всего не инсценировок, а оригинальных советских пьес, в которых он находил бы отклик на все, что волнует его каждодневно. Советский писатель, советский драматург должен понимать, что речь здесь идет не об откликах на актуальную тему, когда автор не пишет, а «делает» пьесу на сюжет, который ему кажется наиболее «отвечающим моменту». Речь идет о чем-то более органическом и живом и в то же время до бесконечности простом, элементарном. Советский драматург должен гореть страстным желанием походить и походить высказывать себя, свои заветнейшие мысли и чувства, а не «откликаться» суррогатом на заданные темы. Советский драматург должен писать побольше и на самые разнообразные темы и сюжеты, которые волнуют лично его.

В большей творческой смелости, большей ловкости советских драматургов к своей собственной писательской природе, мне кажется, и гайка решение многих труднейших и сложнейших задач, которые жизнь выдвинула сейчас перед советским театром.

«Танкер «Дербент» на немецком языке

В только что вышедшем № 6 журнала «Интернациональная литература» («Литературная Блеттер») начал печататься роман Ю. Крымова «Танкер «Дербент».

В том же номере помещена новая новелла Теодора Паппе, рассказ Алама Шаррера, переводы детских стихов Маяковского, Гавро. Квитко, Михайлова и несколько статей.

«Литературная газета» № 34

Литературная газета

№ 34

5

Сессия ВУАН во Львове

В Главном зале Львовского государственного университета им. П. Франко в торжественной обстановке началась в эти дни сессия Академии наук УССР, посвященная вопросам литературы, языка, фольклора, истории, археологии и экономики западноукраинских земель.

На сессии было прочтено 18 докладов. Особое внимание широким научным и литературным кругам Львова привлекли доклады: акад. К. Студинского — о Стефане, акад. М. Возняка — об авторстве «Престорони» — литературного памятника начала XVII века, замечательного тем, что во время абсолютного владычества перья это произведение призывало к просвещению, говорило о знаниях как основе миропонимания и требовало преподавания светских наук в школах.

С интересом были прослушаны доклады В. Гуфальды — об отношениях Ивана Франко к модернистам, М. Даркэ — о взаимоотношениях Леси Украинки с украинскими Австрией, акад. Ф. Колессы — о ритмике и мелодии в произведениях Франко. Очень сильное впечатление на присутствовавших произвел доклад П. Я. Фриды — «Взгляды западных областей УССР и перспективы их использования в 3-й пятилетке».

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В СЕЛЕ КАМЕНКЕ

Как известно, в селе Каменке (теперь Боровогоградской области) в имени Лавриков А. С. Пушкина был взвешан в ноябре и декабре 1820 г. и в феврале — марте 1821 г.

Трудящиеся Каменки свято чтут память великого русского поэта. Праздню в честь годовщины со дня рождения поэта в селе состоялся большое народное гуляние в Парке им. декабристов. Вечером в районном доме культуры была встреча с прибывшими на торжество писателями И. Новиковым, А. Малышко, М. Тарловым и Л. Косаром.

Предшественником Каменки районного музея стал музей имени А. С. Пушкина — 6 июля — считать традиционным праздником трудящихся Каменки.

Решено открыть в Каменке музей им. Чайковского филиал музея Пушкина.

ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ А. НАВОИ

В связи с предстоящим в 1941 году 500-летием Алишера Навои Государственное узбекское издательство выпустило из печати на узбекском языке биографию Навои, составленную литературоведом Алимом Шавабутдиновым, поэму Навои «Фархад и Ширин» и том его лирических стихов «Чар-ливал» («Четыре собрания») — 10.000 строк. На русском языке вышел сборник научно-исследовательских материалов по биографии «Родовая элита узбекской литературы», в составлении которого приняли участие профессоры Бейтбаев, Семенов, Молчанов, Варапков и узбекские писатели Хамид Алиджан и Усманов.

В городе Ургенче состоялось заседание юбилейной комиссии, на котором был утвержден план подготовки и проведения юбилей Навои.

Для широкого ознакомления трудящихся с литературным наследием великого поэта 1 августа в г. Ургенче открывается выставка, посвященная жизни и творчеству Навои. Выставку организует областная библиотека.

На выставке будут представлены произведения Навои, статьи, фотокопии с миниатюр-иллюстраций к произведениям поэта, а также произведения его современников.

Хивинский музей готовит юбилейную выставку. Научные сотрудники прочтут лекции в учительском институте для студентов факультета языка и литературы. На тему об эпохе и творчестве Навои.

Областной театр и управление по делам искусств проведут вечера и концерты. К юбилейной дате в Ургенче будет открыт памятник классику узбекской литературы Алишера Навои.

Поэт Лев Пенчковский работает над переводом на русский язык поэмы Навои «Фархад и Ширин», а писатель Петр Скопцев делает прозаический перевод этой поэмы для детей.

Биографы писателя Азербайджана, среди которых поэтесса Миллард Липина и Нияз, закончила перевод поэмы «Фархад и Ширин».

К юбилею И. Франко

При президиуме союза советских писателей СССР создан юбилейный комитет по увековечению памяти Ивана Франко в составе: Валы Васильевской, Я. Дятла, С. Евгенова, В. Катаева, Я. Коласа, А. Копейчука, С. Мукалова, Ф. Пальфорова, А. Твардовского, К. Тренева, Б. Турганова, П. Титина, А. Фадеева, С. Элли.

Ближе к читателю!

Воронеж. (От наш. корр.) В большом читальном зале Воронежской областной библиотеки состоялось обсуждение недавно вышедшего альманаха «Литературный Воронеж» № 1 (8). Обсуждение привлекло большое количество читателей, главным образом студенческой молодежи.

Суровой критике со стороны выступающих подверглись стихи воронежских поэтов. Создается впечатление, что воронежские поэты пишут постоянно на одну и ту же заданную тему. Прочитав первые строки стихотворения, без труда можно сказать о том, что будет в заключительных.

Критиковали читателей стихи С. Данилова и в частности в обсуждающемся альманахе повесть П. Павловича «Бисловцы». В ней много неаппетитных, туманных образов. Автор не следовало опираться на печатный свой язык.

Законопунктами выступившие товарища воронежских писателей в том, что они редко встречаются со своими читателями, не умеют интересно организовать читательские конференции.

Литературная газета

Памяти В. Шервадзе

После продолжительной и тяжелой болезни умер наш товарищ — талантливая молодая писательница Вера Евтихиевна Шервадзе.

В. Е. Шервадзе, по-настоящему, только начинала свой литературный путь, но то, что она успела сделать за очень короткое время, было по-настоящему талантливым и содержательным. Выбрала для своей работы один из самых трудных и ответственных жанров — жанр детской книги — она выявила с первых же шагов и незаурядную одаренность и большое сердце. Зоркий глаз, настоящая любовь к детям и свой собственный голос — все это резко отличало первые опыты Веры Евтихиевны, сразу привлекая внимание нашей прессы.

Уже больная, Вера Евтихиевна продолжала работать над своей первой книгой рассказов, принятой Детиздатом. Никакие физические страдания не могли погасить этого горячего и живого сердца.

Образ Веры Евтихиевны Шервадзе навсегда останется в памяти ее товарищей.

Агния Барто, Елена Благинина, Сергей Михалков, Лев Кассиль, Ада Чумаченко, Павел Барто, Е. Тараховская, Ек. Роенинская, В. Осеева, В. Доникова, А. Суворова, С. Бем, А. Сабадах, Н. Артюхова.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИФШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

На днях в залах государственной Третейской палаты открылся городской олимпиада детского изобразительного искусства. Участники олимпиады — школьники Москвы — выставили для оценки на олимпиаду олимпиаду большое количество произведений. На снимке — работы школьников.

Вверху — сцена из романа: Везелов Федоров — Пейзаж (масло), Юрий Родионов (изостудия Лавриковского района) — Пастель и В. Марковский (масло), Людмила Голубовская (изостудия Московского городского Дома пионеров) — Князь Серебряный, иллюстрация.

Внизу: Людмила Голубовская — «События в Филлиппово», картина; Андрей Матвеев (изостудия Московского городского Дома пионеров) — «Красные наступают» (аварьер).

ВЕЧЕР В. АРИСТОВА

КУРСК. (От наш. корр.) В областной библиотеке имени Горького состоялся творческий вечер писателя В. Аристова. Обсуждался его последний исторический роман «Ключ — город Смоленск», вышедший в областном издательстве. Краткое вступительное слово, посвященное характеристике эпохи, описываемой в романе, сделал профессор Курского педагогического института тов. Назаренко.

Выступившие подвергли критике существенные недостатки романа. Дюпонт тов. Завадов указал на статичность, в изображении героев. — Нельзя согласиться с мнением тов. Назаренко, — заявил тов. Завадов, — что роман страдает отсутствием сюжетности. Поразительность сюжета — крупный недостаток, но объясняется он, главным образом, скудностью биографических данных о главном герое романа архитекторе Ф. Коле.

Студент Педагогического института тов. Арсенов отметил, что наиболее удачным следует считать образ крестьянина-патриота Михайло Лещины.

Дюпонт тов. Ленищев подчеркнул в своем выступлении схематичность образов Дмитрия Самованца, Годунова, Шусторова. В то же время он дал роману высокую оценку.

ИРКУТСКИЕ ПИСАТЕЛИ В КРАСНОАРМЕЙСКИХ ЧАСТЯХ

По просьбе Политуправления Забайкальского военного округа, в Читу приехала группа иркутских писателей и поэтов — гг. Ольхов, Марков, Лутовская и Молчанов-Сибирский. 2 июня в парке ОДКА писатели встретились с бойцами, командирами и политработниками чирянского гарнизона.

Писатель Марков рассказал о советской художественной литературе, о литературном прошлом города Иркутска, в котором жили и работали такие писатели, как Омелянский, Давылов — автор песни «Славное море, священный Байкал», Миленко, Каталинков, Александров.

3 июня иркутские поэты были тепло встречены курсантами. Они беседовали с курсантами-военками училища, среди которых есть начинающие поэты. Бригады иркутских писателей пробудет в частях ЗаБВО в течение месяца; их цель — выявить новые литературные кадры из красноармейской среды, оказать творческую помощь начинающим писателям и поэтам и все лучшее из красноармейского литературного творчества отобразить для литературного альманаха, который будет издавать Иркутским областным издательством в этом году. Курсант С. ГОРШКОВ.

Оборонная комиссия союза советских писателей СССР

Президиум союза советских писателей утвердил состав оборонной комиссии из 19 человек. В бюро оборонной комиссии вошли: В. Вишневский, А. Исаев, С. Ващенко, Л. Шапиро и А. Корсаков.

Одним из первых мероприятий оборонной комиссии была командировка большой группы писателей в лагерь Московского

военного округа для проведения 19 июня вечеров памяти А. М. Горького.

Доклады, посвященные великому пролетарскому писателю, и чтения его произведений были проведены в нескольких лагерях и у выходящих в отставку бойцов и командиров в Московском коммунистическом госпитале.

В. Маяковский на польском языке

Попытки перевести стихи Владимира Маяковского на польский язык делались неоднократно. Но лишь очень немногие из этих переводов можно назвать вполне удачными. Даже хорошие польские поэты, которых никак нельзя упрекнуть в небросоватости, не могли выдержать себя перед лицом великого поэта советской эпохи, не могли жить одними чувствами о нем и, следовательно, не могли преодолеть собственную поэтику, собственную систему образов.

Теперь сделана еще одна попытка донести слова великого поэта до польского читателя. Группа польских поэтов, живущих во Львове, поставила перед собой благородную задачу перевести Маяковского так, чтобы на польском языке он звучал так же сильно, о какой звучит на своем родном языке. В работе над переводами приняли участие: Адам Ваяж, Сусяна Гринька, Петр Кожух, Юрий Станислав Леф, Францишек Парезки, Леон Пастерлак, Юрия Пурамонт, Юлиана Шенвальд и Мечислав Яструж.

Поэты горячо принялись за дело и это была их первая коллективная работа, основанная на товарищеской взаимопомощи и на творческом соревновании. Над каждым произведением Маяковского работали сразу несколько человек. Каждый перевод скрупулезно обсуждался на собраниях группы и из нескольких переводов отбирались лучшие.

Результатом этой напряженной работы является сборник избранных произведений Владимира Маяковского на польском языке, который придет к печати издательством Урганизацонад в Киеве и выйдет в свет под редакцией польского литературоведа и критика Юрия Борейши. Сборник включает свыше тридцати произведений поэта, среди которых — полностью переведенные поэмы: «Ленин», «Облако в штанах», «Во весь голос» и «Хорошо».

Первый поэт удмуртского народа

Исполнилось 50 лет со дня рождения замечательного удмуртского художественного литератора, поэта Даниила Афиногеновича Майорова, зверски убитого кулаками в 1923 году.

Тяжелый жизненный путь пришлось пройти Майорову. Батрак, пахарь, сторож, чернорабочий и дворник — таковы этапы прелюбопытной жизни поэта. В поисках работы он приехал в Коканд. Здесь он примкнул к рабочему революционному кружку и вскоре стал одним из его руководителей. Тов. Майоров руководил после Октября революционным отрядом рабочих, борющимся с белогвардейщиной.

В конце 1918 года тов. Майоров возвращается в Удмуртию, и здесь начинается его большая творческая работа. Поэт-самозучка, любящий свой родной язык, неустанно обращавшийся к фольклору, Майоров создал удмуртскую народную поэзию. Целое удмуртское народное поэтическое искусство, которое отбрасывает на все важнейшие политические события

в молодой советской стране, зовет к беспощадной борьбе с кулачеством, воспекает дружбу народов. Стихи его наполнены оптимизмом. Поэт писал:

В ярком свете лучей
Над равниной полей
Золотая сияет звезда.
Над богатой, цветущей
Землей моей
Не угаснет она никогда.

В 1919 году почти в каждом номере удмуртской газеты «Удмурт» печатались стихи Майорова. Но только в 1939 году вышел сборник избранных произведений поэта удмуртского поэта К. Соколенко, стихи Майорова до сих пор не известны русскому читателю. Только 6 стихотворений из обширного поэтического наследия поэта удмуртского народа переведены на русский язык и напечатаны в литературно-художественном журнале «Молот».

Е. ОЛЕИС

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

На днях под председательством И. К. Луцкого состоялось заседание президиума союза советских писателей, посвященное белорусской литературе.

С обстоятельным докладом на эту тему выступил М. Климович.

— Белорусская литература, — сказал Климович, — за последние полтора года заметно выросла и количественно и качественно. Все жанры обогатились новыми интересными произведениями.

В белорусской прозе за последние время появились два талантливых романа: Педельевича — «Восстание» — о гражданской войне и Д. Мурашина — «Соловьи святого Полякария» — о колхозном строительстве; две лирические повести — К. Чорного «Настенька» — из жизни советской школы и автобиографическая повесть о детских годах — «В дремучих лесах» Зм. Явуды.

Кудья Чорнина, М. Лыньков и Стахович написали несколько рассказов о Западной Белоруссии. В. Копиляков и В. Краевичко написали рассказы о колхозном строительстве в БССР, Е. Салонский — о курдовском расстреле, А. Олешка — о советской интеллигенции.

Еврейский писатель Гури Финкель написал две повести — художественная биография Менделеев Моисей-Сфорима и Шолом-Алейхема.

Наиболее значительное явление в области поэзии — это большой цикл произведений о Западной Белоруссии: стихи Янки Кудалы «На западно-белорусские мотивы», стихи в песни Я. Коласа, П. Бровка, П. Глебака, А. Русака и других.

Показав свой творческий рост молодые белорусские поэты БССР А. Кулешов, Э. Огиневич, А. Явудка и другие.

В драматургии, как известно, появилось не мало пьес; лучшие из них были показаны в дни декады. Написаны либретто первых четырех белорусских опер, десяти лирикоопер.

Особое оживление М. Климович на произведении писателя Западной Белоруссии введших в семью советских писателей после освобождения из о польского гнета. Гневом и возмущением против панского ига, страстным стремлением к свободе проникнута эта литература, созданная до великого дня 17 сентября 1939 года. Вечные преследования польской цензуры научили писателей говорить в своих произведениях языком свободы, выражать свои мысли ясно и открыто. Но народ умеет читать между строк и понимал своих поэтов, пренебрежавших польскими цензурой и помещавшим близкую народную расправу.

— Современный молодой поэт Максим Танк, — рассказывает М. Климович, — автор пяти сборников стихов, из которых два были опубликованы польскими правительством. Его перу принадлежат превосходные повествовательные драматические стихи, эпитетическая поэзия «Нароча» и «Кастусь Калыноцкий». Первое рассказывает о борьбе народных рыбаков с польским правительством, лишившим их права ловить рыбу в озере, известном принадлежавшем крестьянам. Вторая поэма замечательна тем, что автор олицетворяет образ народного героя Кастуся Калинонского от националистического толкования и показывает влияние на него русской революционной демократии.

Для поэта Филиппа Пестрака, единственного поэта прошедшего в тюрьме, не существовало поэзии вне борьбы. Даже лирические пейзажи в его стихах символически. Его произведения, написанные в тюрьме: «После приговора», «Низина», «Марш убитых» дышат возмущением, слезами, гневом и страстью поэта-борца. Во многих стихах Пестрака видна серьезная учеба у Маяковского, поэзия которого близка ему по духу.

Творчество поэта Михаила Машары также полно протеста против тяжелой жизни белорусского крестьянства под гнетом польских панов. Кроме этих писателей, в Западной Белоруссии живет и работает большая группа оларенных поэтов —

В. Тавлей, Нина Тарас, Анатолий Иверс, большая группа еврейских и польских писателей.

Западнорусские поэты постепенно переходят на советскую тематику, посвящая свои стихи товарищу Сталину, Красной Армии, выборам в Советы. Таковы стихи М. Танка «Дорога в Москву», «На Ленинской площади», «Выборные частушки», стихи Машары «Сталину» и ряд стихов Нины Тарас.

Выступивший после доклада М. Климовича М. Лыньков говорил о том, что белорусская проза мало еще переведена и является по-русски, что критика не изучает ее и не знает ее, что она не завоевала еще своего места в русских журналах и издательствах.

Л. Никулина внес предложение издать к годовщине освобождения Западной Белоруссии сборник произведений русских, белорусских, еврейских и польских писателей, который явился бы литературным памятником событиям, завихавшимся 17 сентября 1939 года.

Представитель московских ежемесячных журналов сообщил, что критика слабо охвачена до сих пор белорусскую литературу. За последние годы появилось всего только одна статья — К. Зеленого о Самуйленке в «Литературном критике».

Тов. Евгенов (Солтислатал) сообщил о тех произведениях, которые были переведены и изданы за последние годы, и о том, что готовится к выпуску в ближайшее время. Переводится книга стихов М. Танка, заканчивается работа по составлению антологий классической и современной белорусской поэзии, в которую войдет переведенная М. Исаковским поэма «Тарас на Парнасе», готовится к изданию книга стихов П. Бровка, повесть Я. Коласа «Трагедия». Будет издан также сборник еврейской поэзии. Предлагается выпустить томик рассказов М. Лынькова.

В. Вахметев поднял вопрос о том, что лучшие русские писатели-стилисты должны быть привлечены к художественной редактуре произведений белорусских писателей.

И. Луцкий, подводя итог высказываниям, поддержал предложение Л. Никулина о выпуске сборника к годовщине освобождения Западной Белоруссии от белопольской.

Л. Толстой в защиту рабочих

В хранилище в Гос. Историческом музее (Москва) архиве известного адвоката и общественного деятеля В. А. Маклакова найден прокуратурное письмо к нему Л. Н. Толстого.

«Будьте добры, Василий Алексеевич, научите подателя этой записки, как им поступить в их деле, а если можете, то и помогите им в ведении дела. Просители — рабочие из гудинки, которым администрация не платит заработанных денег.

Если можете, пожалуйста, сделайте, а то направьте к такому же, как вы, хорошему человеку.

Лев Толстой».

Письмо не датировано. Предполагательно относится оно к началу 90-х годов прошлого столетия. Речь идет, видимо, о рабочих Бойковского рудника в Тульской губернии.

От разговоров к делу!

КУРСК. (От наш. корр.). Затянувшись в литературной жизни Курска, о котором писала «Литературная газета» (см. № от 26 апреля с. г.), смирились, наконец, долгожданным ожиданием. На днях областное издательство Курское первое собрание объединения курских писателей. В объединение вошли прозаики Аристов, Горбачев, Степанов, Юркевич, поэты Борейша, Шелест, литературоведы и критики, проф. Назаренко, дюпонт Завадов и другие.

Собрание определило содержание работы литературного объединения, избрало бюро, разработало план первых творческих собраний.

Надо надеяться, чтобы благие стремления объединения курских писателей не остались на бумаге, чтобы от разговоров оно скорее перешло к делу.

Г. ХАЛИЛЕЩИЯ.

Хроника

* В Казахском академическом большом драматическом театре состоялось обсуждение новой пьесы Габита Мусрепова «Кобы-куреш и Бай-Сул». В основу сюжета пьесы положено одноименный эпос XVI века. О пьесе Г. Мусрепова сделал доклад драматург Мухтар Ауэзов.

* Вышел из печати первый сборник трудов филологического факультета Днепродзержинского государственного университета. В сборнике помещены работы: члена Академии наук УССР Л. А. Булаховского — «Об абстрактной лексике в русском литературном языке первой половины XIX века»; кандидата филологических наук В. Ващенко — «Основания украинского литературного языка» (о языке № 120) В. Кириловича, доктор филологических наук М. Соффера — «Стиль авторской речи в романе М. Шолохова «Поднятая целина» и ряд других.

* В издательстве Смоленского областного краеведческого научно-исследовательского института вышел под редакцией проф. П. М. Соболева «Сказки Смоленской области».

ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВА

при СНК СССР и НАРКОМПРОС РСФСР

ПРОВОДЯТ С 15-го МАРТА ПО 15-е АВГУСТА 1940 ГОДА

КОНКУРС НА РЕПЕРТУАР ДЛЯ КРУЖКОВ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

- КОНКУРС ПРОВОДИТСЯ:
- а) На массовую песню для хорового и сольного исполнения.
 - б) На одноактную и двухактную пьесу любого жанра (драма, комедия, водевил, сатира и др.).
 - в) На либретто и музыку детского танцевального и танцевального спектакля (продолжительность не более 40-50 мин.).
 - г) На оркестровое произведение для всех видов оркестров народных инструментов.
 - д) На детский тапек (описание тапек, с указанием музыки к нему или с приложением оригинальной музыки).
 - е) За лучшие произведения устанавливается 16 первых, вторых и третьих премий и 28 поощрительных премий.
 - ж) За песню (текст и музыка): одна первая премия — 4 тыс. руб. (из них 2000 руб. за текст и 2000 руб. за музыку), две вторых премии по 3 тыс. руб. (из них 1500 руб. за текст и 1500 руб. за музыку), три третьих премии по 2 тыс. руб. (из них 1000 руб. за текст и 1000 руб. за музыку), пять поощрительных премий по 150 руб.
 - з) За либретто и музыку детского танцевального спектакля: одна первая премия — 12 тыс. руб. (за либретто — 4 тыс. руб., за музыку 8 тыс. руб.), одна вторая премия — 10 тыс. руб. (за либретто 3 тыс. руб., за музыку 7 тыс. руб.), одна третья премия — 8 тыс. руб. (за либретто 2 тыс. руб., за музыку 6 тыс. руб.), пять поощрительных премий по 2 тыс. руб. (за либретто 750 руб., за музыку 1250 руб.).
 - и) За оркестровое произведение: одна первая премия — 4 тыс. руб., одна вторая премия — 3 тыс. руб., пять поощрительных премий по 1 тыс. руб.
 - к) За тапек: одна первая премия — 4 тыс. руб., одна вторая премия — 3 тыс. руб., одна третья премия — 2 тыс. руб., пять поощрительных премий — по 1 тыс. руб.

В конкурсе могут принять участие все граждане СССР. Произведения для конкурса могут быть написаны на любом языке народов СССР. Произведения, присланные на конкурс, должны быть подлинными только девизом, выбранным автором. Жюри конкурса предоставляется право публиковать произведения произведения оплачивается авторам по окончании конкурса.

Произведения, присланные на конкурс, направляются по адресу: Москва, ул. Горького, переулок Саловских, № 10. Центральный дом художественного воспитания детей, с надписью «На конкурс». Все справки по телефону К-437-62.

СРОК ПОДАЧИ МАТЕРИАЛОВ НА КОНКУРС: по песням и музыке, пьесам либретто и оркестровым произведениям — до 15 августа 1940 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА БУДУТ ОБЪЕДИНЕНЫ 1 ОКТЯБРЯ 1940 ГОДА. ОРГКОМИТЕТ КОНКУРСА.